

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ В СССР.
20—80-е гг.**

(СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ В СССР
20—80-е гг.

(СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ)

Москва · 1991

Серия : ИСТОРИЯ СССР

Сборник подготовлен Отделом исторических наук

Редакционная коллегия:

ДРОБИЖЕВ В.З. – доктор исторических наук
(ответственный редактор),

ТВЕРДОХЛЕБ А.А. – кандидат исторических наук,

МЕСЯЦЕВ Н.Н. – кандидат исторических наук,

БАГДАСАРОВ В.К. – кандидат исторических наук

Ответственный за выпуск – **БАГДАСАРОВ В.К.**

0503020000

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	5
Льюис А. Р., Роулэнд Н. Р. Движение населения в СССР и его влияние на общество, 1897-1977 гг.	18
Уиткрофт С. Г. Движение народонаселения, 1908- 1926 гг.	33
Фешбах М. Демография и советское общество: Социаль- ные и культурные аспекты; Фешбах М. Советский Союз: Тенденции и дилеммы народонаселения	44
Уиткрофт С. Г. Голод и другие факторы, влияющие на уровень смертности в СССР. Демографические кри- зисы 1918-1922 гг. и 1930-1933 гг.	49
Андерсон Б. А. Семья и фертильность в российских и советских переписях населения	60
Уиткрофт С. Г. Голод и эпидемии в России в 1918- 1922 гг. Пример Саратова	65
Конквест Р. Статистика принудительного труда	71
Уиткрофт С. Г. К вопросу об анализе советской ста- тистики принудительного труда	76
Розфильд С. Демографический анализ и популяционные катастрофы в СССР. Возражение Барбаре Андерсон и Брайану Сильверу	88

Андерсон Б.А., Сильвер Б.Д. Вопросы равноправия, эффективности и политический аспект в советской двуязычной политике в сфере образования, 1934–1980 гг.	95
Вересов Д. Историческая демография СССР	104
Современная западная демографическая литература о населении СССР в 30–е годы (Обзор)	116

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы изучение историко-демографических проблем советского общества стало все больше и больше привлекать внимание исследователей. Это связано с несколькими факторами. Прежде всего сама логика развития исторической науки ведет к более углубленному изучению демографических процессов. Всесторонний анализ социально-экономического развития общества невозможен без изучения численности и законов воспроизводства человечества.

Теперь уже сложилось общее понимание предмета исторической демографии.

В некоторых трудах мы сталкиваемся с излишне расширительной трактовкой содержания исторической демографии, что отражает неправильное определение понятия самой демографии, когда границы демографии полностью растворяются в многообразном изучении населения, осуществляемом всем комплексом наук об обществе. Так, например, Р.Н. Пуллат считает неправомерным исключать из предмета исторической демографии анализ социально-классовой и профессиональной структуры населения. В противном случае, пишет автор, "мы рассматриваем человека и народонаселение лишь в биологическом аспекте, исключая социально-экономическую сторону"¹⁾,

¹⁾ Пуллат Р.Н. Историческая демография в СССР (значение, место, итоги и перспективы развития): Проблемы исторической демографии в СССР. — Таллинн, 1977, — С.9.

и тогда получается, что историческая демография поглощает собой практически всю социальную историю. При таком расплывчатом определении предмета науки вряд ли возможны успехи ее развития. На наш взгляд, Д.К.Шелестов прав, когда пишет: "Историческая демография исследует те же процессы и явления, что и демографическая наука в целом, но в их исторической ретроспективе, и полностью подчинена тем задачам, которые решает последняя в изучении ее современной проблематики"¹⁾. Возражение вызывает лишь категоричное отнесение исторической демографии к демографии. Эта категоричность толкает Д.К.Шелестова к утверждению, что историческая демография решает только те задачи, которые ставит демография в изучении ее современной проблематики. Разве историческая демография не знает таких проблем, которые уже давно не являются "современными" ?

Прежде всего хотелось бы определить этапы историко-демографического развития советского общества.

Первый этап приходится на время с конца 1917 г. до конца 1922 г. С победой Великой Октябрьской социалистической революции начался подлинный переворот в семейно-брачных отношениях. Раскрепощение женщин, меры по охране материнства и младенчества — все это привело к появлению новых моментов в воспроизводстве населения. Вместе с тем гражданская война, интервенция империалистических стран, голод, обрушившийся на нашу страну в 1921 г., широкая эмиграция представителей эксплуататорских классов обусловили сокращение численности населения, рост смертности людей, главным образом мужчин в самом дееспособном возрасте. Резко увеличился удельный вес людей в преклонном возрасте, старше 50 лет, снизилась доля городского населения.

¹⁾ Шелестов Д.К. Демография: История и современность. — М., 1983. — С: 259.

Важнейшей особенностью первого периода явилось коренное изменение социального состава населения. Если в годы первой мировой войны больше всего пострадало сельское население, то в годы гражданской войны – городское население, и прежде всего рабочий класс, выносивший на себе основную тяжесть борьбы с армиями контрреволюции и интервентов.

На долю горожан приходилось в войне 1914–1917 гг. 17,8% всего состава армии, а в годы гражданской войны 31,4%¹⁾. Конечно, эти данные весьма условны, ибо они охватывают лишь тех участников войны, которые зарегистрированы переписью 1920 г., но и они ярко свидетельствуют об огромном вкладе городского населения, и прежде всего рабочих, в разгром армий интервентов и белогвардейцев.

Голод 1921 г. самым отрицательным образом сказался на воспроизводстве населения. По имеющимся в нашем распоряжении выборочным данным, в 1921 г. средняя рождаемость для городского населения в расчете на тысячу человек составляла 34,2, а в 1922 г. – 24,8 человек. Смертность городского населения постоянно росла и составляла в 1921 г. 38,2, а в 1922 г. – 60,2 человек. В 1921 г. рождаемость сельского населения превосходила смертность и составляла 36,9% против 26,1%. В 1922 г. в деревнях России и Украины естественный прирост населения уменьшился. Рождаемость составляла 34,0%, а смертность – 31,5%²⁾.

Второй этап движения населения СССР падает на 1923–1926 гг. Эти годы характеризуются резким возрастанием чис-

1) Итоги переписи населения 1920 г. Население по однолетним возрастам и возрастным группам: Лица с физическими недостатками и психически больные: Население, участвовавшее в империалистической и гражданской войнах: Получившие увечья и психически заболевшие на войнах. – М., 1928. – С. 10.

2) Дробижев В.З. У истоков советской демографии. – М., 1987. – С. 91.

ленности населения. Ежегодный прирост населения составлял более трех миллионов человек. При очень высоком уровне рождаемости значительно снизилась смертность. Особенно высоким рост рождаемости был в деревне. Сказывалось резкое улучшение материального положения крестьянства после победы Великого Октября. В то же время в сельском хозяйстве сохранялось еще мелкотоварное производство. Как известно, в мелком патриархальном хозяйстве затраты на воспроизводство рабочей силы окупаются очень быстро.

Одной из важных особенностей периода 1923—1926 гг. были все ускоряющиеся темпы роста городского населения. В этом сказывались итоги восстановления промышленности и перехода страны к социалистической индустриализации.

Начиная с 1923 г. идет постепенный рост рождаемости при сокращении смертности населения. Только 1925 г. дает некоторое снижение чистого прироста населения. Это результат неурожая 1924 г. и временного снижения уровня материального благосостояния трудящихся. Данные по отдельным республикам подтверждают вывод о резком увеличении темпов прироста населения в 1923—1926 гг.

Дореволюционная Россия характеризовалась резкими различиями рождаемости и смертности у богатых и бедных. Ликвидация эксплуататорских классов привела к устранению этой диспропорции, однако некоторые различия в воспроизводстве населения в социальном разрезе все еще сохранялись, что было обусловлено наличием мелкотоварного крестьянского хозяйства, разницей в уровне образования, материального благосостояния рабочих и служащих, городских и сельских жителей. В 1926 г. в городах и городских поселках РСФСР рождаемость составляла в расчете на тысячу человек населения 34,6, а в деревне 46,4 человек. Интересно отметить, что рождаемость была ниже в крупных городах, а в самом большом городе страны — Москве рождаемость в 1926 г.

составляла 29,8, Саратове - 32,7, Нижнем Новгороде - 33,6, Казани - 35,3, Самаре - 36,2, Сталинграде - 43,0 человек¹⁾.

Смертность населения в середине 20-х годов имела постоянную тенденцию к снижению. Особенно резко снизилась детская смертность. Снижение детской смертности наблюдалась повсеместно, но особенно благоприятные показатели были в крупных городах, имевших развитую систему охраны материнства и младенчества. Так, в Москве в 1911-1913 гг. на 100 родившихся детей умерло в возрасте до одного года 26,8, а в 1926 г. всего лишь 13,4, в Ленинграде соответственно 23,8 и 14,2²⁾. Коэффициент смертности в сельской местности зависел от уровня экономического развития деревни. Чем благополучнее было положение в деревне, тем меньше была смертность. Третий важный этап в изменении народонаселения приходится на те годы, когда полностью развернулась реконструкция народного хозяйства. В годы довоенных пятилеток изменилась классовая структура общества. Были полностью ликвидированы капиталистические элементы в городе и деревне, изменилась социальная природа крестьянства. Резко возросла численность рабочего класса. Индустриализация создала новую материально-техническую базу производства. Советский рабочий класс все в большей степени стал носителем самого передового и прогрессивного в производственной жизни страны. Все это определило важные демографические сдвиги: снижение уровня рождаемости, снижение смертности, некоторое падение темпов чистого прироста.

На демографическую ситуацию 30-х годов оказали значительное влияние и негативные явления, получившие тогда распространение. Ошибки, допущенные в ходе коллективизации,

1) Естественное движение населения РСФСР за 1926 г. М., 1928. - С.23.

2) Там же. - С.33-34.

выселение сотен тысяч кулаков и членов их семей, перегибы в отношении середняка, нарушение принципа добровольности при организации колхозов привели в ряде мест к голоду, крестьянским волнениям. Кроме того, нельзя не учитывать многочисленные жертвы репрессий, которые обрушились на страну в период культа личности Сталина. На западе не раз демографы пытались подсчитать число жертв 30-х годов. Однако эти попытки носят чисто спекулятивный характер. К сожалению, мы сегодня не можем дать сколько-нибудь достоверную картину движения населения в 30-е годы. Перепись 1937 г. была признана дефектной. Материалы Всесоюзной переписи населения 1939 г. в значительной своей части были утеряны в начале войны. Они опубликованы лишь в незначительной степени. Совершенно очевидно, что нужны новые архивные изыскания.

Период Великой Отечественной войны характеризуется резким изменением условий воспроизводства населения. Война — это страшное народное бедствие, унесшее с собой миллионы человеческих жизней. В годы войны резко сократилась рождаемость населения, возросла смертность. Война привела к изменению половозрастной структуры населения. В годы войны миллионы людей переселялись на новые места жительства. Вынужденная миграция населения обусловила разрыв родственных связей, что привело к еще большему снижению уровня рождаемости. Этот этап демографического развития СССР остается до сих пор практически неисследованным.

В годы войны Советский Союз потерял более 20 млн. человек. Если в 1940 г. на территории СССР проживали 194,1 млн. человек, то в 1950 г. — 178,5 млн., и лишь в 1955 г., спустя 10 лет после окончания войны, численность населения СССР несколько превзошла уровень довоенного 1940 г. и составила 194,4 млн. человек¹⁾. Накануне Великой Отечественной

1) Народное хозяйство СССР 1968 г.: Статистический ежегодник. — М., 1969. — С. 7.

войны уровень рождаемости составлял 31,2 человек в расчете на тысячу. Уже со второго квартала 1942 г. началось это резкое снижение. Если в Москве в 1941 г. рождаемость составляла 22,1, то в 1942 г. она снизилась до 12,7, а в 1943 г. до 8,5 человек в расчете на тысячу населения ¹⁾. В Ленинграде в 1943 г. рождаемость упала до нуля ²⁾. В Сибири в 1941 г. рождаемость составляла 33,2, в 1942 г. — 21,5, в 1943 г. — 12,5, в 1944 г. — 12,2 человек в расчете на тысячу населения ³⁾.

Особенно значительно рождаемость сокращалась в районах, подвергшихся оккупации. Так, в Днепропетровске она составляла в 1942 г. всего лишь 34% от уровня довоенного 1940 г., а в 1943 г. и того меньше, всего 30% ⁴⁾.

Общая смертность населения стала расти с первых месяцев войны. Пик роста смертности дает 1942 г., когда страна испытывала наибольшие трудности. Смертность в Сибири в расчете на тысячу населения в 1940 г. составляла 20,3 человек, в 1941 г. — 21,1, в 1942 г. — 24,3, в 1943 г. — 18,4, в 1944 г. — 12,9 ⁵⁾. Резко возросла смертность на оккупационной территории. Самой массовой причиной смерти стал голод. Так, в Харькове в 1942 г. на долю людей, умерших от голода, приходилось 58,6% всех умерших ⁶⁾.

-
- 1) Историческая география СССР. — М., 1973. — С.280.
 - 2) Новосельский С.А. О влиянии войны на половой состав рождающихся: Вопросы охраны материнства и детства: (Период войны и блокады). — М., 1946. — С.26.
 - 3) Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. — Новосибирск, 1986. — С. 87.
 - 4) Медико-санитарные последствия войн и мероприятия по их ликвидации. — М., 1948. — Т.1. — С.51.
 - 5) Алексеев В.В., Исупов В.А. Указ. соч.— С.48,114.
 - 6) Медико-санитарные последствия войн... — С.14.

Война привела к перемещению миллионов людей в восточные районы страны. Огромные потери населения понесли Украина, Белоруссия, РСФСР, Прибалтийские республики. Даже к моменту проведения переписи 1959 г. Белоруссия и Литва не восстановили довоенной численности населения.

Первые послевоенные годы, хронологически совпадающие с четвертым пятилетним планом — новый этап демографического развития СССР. Этот этап характеризуется резким возрастанием рождаемости населения за счет компенсационных факторов. Восстановление семей привело к значительному росту рождаемости на первых порах после победы в Великой Отечественной войне. Кроме того, в послевоенные годы миллионы людей перемещались с востока на запад, шел интенсивный процесс реэвакуации населения.

50-е годы характеризуются ростом численности населения СССР, резким снижением смертности и сохранением достаточно высокого уровня рождаемости. Курс на развитие производительных сил, особенно в восточных районах страны, привел к усилению миграционных процессов. Миграция стала носить организованный характер, подавляющее большинство мигрантов оседало в городах. Вместе с тем, в середине 50-х годов в связи с освоением целинных и залежных земель в районы Казахстана переехали сотни тысяч жителей, которые стали заниматься сельским хозяйством. В целом 50-е годы характеризуются высокими темпами урбанизации страны. К концу 50-х годов впервые в истории России численность городского и сельского населения практически сравнялась, значительно возросла образованность населения. Перепись 1959 г. показала, что все население страны в возрасте после восьми лет умело читать и писать.

Важный этап историко-демографического развития СССР приходится на 60-80-е годы. В области воспроизводства населения он характеризуется значительным снижением, а затем стабилизацией рождаемости на уровне 17-18 родившихся на тысячу населения (см. табл. I).

Таблица I

Воспроизводство населения СССР в 60-80-е
годы в расчете на тысячу населения*)

Годы	Рождаемость	Смертность	Прирост
1960	24,9	7,1	17,8
1965	18,4	7,3	11,1
1970	17,4	8,2	9,2
1975	18,1	9,3	8,8
1980	18,3	10,3	8,0
1984	19,6	0,8	8,8

*) Таблица составлена на основе: Народное хозяйство СССР в 1984-г. М., 1985. С.33; Народное хозяйство СССР, 1922-1982. Юбилейный статистический сборник. М., 1982. С.27.

В целом это является выражением общей тенденции перехода к новому типу воспроизводства населения. Более резкое сокращение рождаемости на рубеже 60-70-х годов объясняется вступлением в брачный возраст тех, кто родился в военные годы. Это было демографическим эхом кровопролитной войны. Существенно сократился средний возраст вступающих в брак, что особенно важно для женщин. Так, с 1959 по 1979 г. средний возраст женщин при вступлении в брак сократился с 24,4 лет до 22,9.^{I)} При низком уровне смертности наблюдается, хотя и небольшой, рост коэффициента смертности населения. Различна динамика рождаемости в городской и сельской местности, в малых, средних и крупных городах, в отдельных республиках и районах страны. Рождаемость

I) Волков А.Г. Семья - объект демографии. - М., 1986. С. 234,

в сельской местности в этот период в 1,8 раза выше, чем в городской, в крупных городах в 1,3 раза ниже, чем в небольших городах и в 2,2 раза ниже, чем в сельской местности. ¹⁾ Наблюдается дифференциация рождаемости – от 5,7 – 4,1 детей на одну женщину в республиках Средней Азии до 2,0 – 1,9 в республиках Прибалтики, на Украине, в Белоруссии и РСФСР ²⁾. Изменения численности населения СССР в указанный период в среднем за год, обусловленные как естественным движением, так и миграцией, представлены в табл.2.

Таблица 2
Динамика роста населения СССР в 60-70-х годах ^{*)}

Годы	Все население	В том числе	
		городское	сельское
1959-1970	+ 2 990 316,7	+ 3 273 983,5	- 283 666,8
1970-1979	+ 2 301 788,1	+ 3 066 047,7	- 764 259,7

*) Таблица составлена на основе: Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. – М., 1984. С.6. (Подсчеты авторов).

В целом ежегодный прирост населения уменьшался, быстро росли города, значительными темпами сокращалось сельское население страны.

Историко-демографическое развитие страны в 80-е годы характеризуется увеличением прироста численности населения. В 1983 – 1985 гг. ежегодно рождалось 5,4 млн. детей, что больше, чем в любом послевоенном году. Стабилизировался и несколько сокращается коэффициент смертности населения.

1) Население СССР: Справочник. – М., 1983. – С. 59.

2) Там же. – С. 60.

Во всем этом проявляется влияние мер, принятых советским государством для перелома неблагоприятных тенденций в демографическом развитии СССР на современном этапе.

Однако сделаны лишь первые шаги в этом направлении. По средней продолжительности жизни СССР намного отстал от развитых капиталистических стран. Возрос уровень детской смертности, особенно в республиках Средней Азии и Казахстана. И в этом проявились последствия застойных явлений в экономическом и социальном развитии страны в 70-х - начале 80-х годов. Опыт показал, что неустанное повторение прописных истин типа дети являются самым привилегированным классом в СССР ничего не дает. Меры Советского правительства, направленные на подъем здравоохранения, улучшение материальной базы органов здравоохранения, укрепление семьи, материальная помощь многодетным семьям и т.д. - вот что может улучшить демографическую ситуацию в стране.

Каждый этап демографического развития заслуживает обстоятельного исторического исследования. Для каждого из них овойственны свои характерные черты, но вместе с тем есть такие проблемы демографического развития, которые пронизывают собой все этапы советской истории.

К сожалению, советские историки уделяют совершенно недостаточное внимание проблемам исторической демографии СССР. И как всегда бывает в таких случаях, книжный рынок пополняется за счет работ буржуазных исследователей. В недалеком прошлом каждую работу, изданную на Западе по проблемам населения, мы встречали решительным осуждением и приклеивали негодующие ярлыки. Теперь, при более реалистическом подходе к делу, мы видим, что многие западные историки высказывают довольно трезвые суждения о демографическом развитии СССР. Так, Б. Андерсон и Б. Сильвер в статье "Вопросы равноправия, эффективности и политический аспект двуязычной политики в сфере образования" совершенно правильно подчеркивают, что "двуязычная политика", проводимая государством в области образования", имела различия

в зависимости от таких факторов, как численность населения, географическая концентрация и политический статус данного национального региона. Андерсон и Сильвер рассматривают советскую образовательную политику, как политику, направленную на поддержание двуязычия, нежели как русификаторскую (см. реферат на с.94).

В сборнике представлен реферат на книгу Д.Вересова "Историческая демография в СССР". Автор этой несомненно интересной книги совершенно правильно критикует советскую статистику населения. Он пишет, что эта статистика приносила в жертву статистическую информацию "априорно поставленной, оторванной от действительности цели". Д.Вересов критикует западных демографов, которым национальные проблемы в СССР представляются как запутанный клубок неразрешимых проблем. Этот же автор совершенно правильно отмечает, что СССР пока еще существенно отстает от многих капиталистических стран в области оптимизации режима воспроизводства населения, особенно — продления жизни и распространения рациональных методов регулирования рождаемости.

Большой интерес представляет серия рефератов, посвященных проблемам населения СССР в 30-х годах, и обзор этой литературы, подготовленный Е.Б. Гришаевой (см. реферат на с.115). Читатель найдет здесь содержательный анализ источников. Особый интерес в этой связи представляют статьи английского исследователя С. Уиткрофта. Он проделал огромную исследовательскую работу, касающуюся голода в России в 1921-1922 гг. и в 1932-1934 гг.

С. Уиткрофт использовал практически все опубликованные источники по данной теме, которые, к сожалению, еще не были предметом исследования советских ученых. С. Уиткрофт совершенно правильно заключает, что необходима мобилизация новых неизвестных источников, хранящихся в архивах СССР. С. Уиткрофт ведет энергичную полемику с Р. Конквестом и некоторыми другими американскими и английскими ис-

следователями, которые преувеличивают число жертв, вызванных голодом в результате коллективизации сельского хозяйства и репрессий, обрушившихся на страну в годы сталинизма.

Вполне очевидно, что работы Андерсон, Уиткрофта и некоторых других западных исследователей могут быть полезны советскому читателю.

Было бы неправильно закрывать глаза на имеющиеся принципиальные разногласия в трудах западных демографов. Нередко в последние годы акцент делается лишь на позитивный вклад западных ученых в исследование истории советского общества. При этом забывается, что оохраняются, а в некоторых случаях и углубляются принципиальные различия в методологии и методике исследования исторических процессов среди буржуазных ученых и ученых-марксистов.

Американские демографы Р. Льюис и Р. Роулэнд в книге "Движение населения в СССР и его влияние на общество" прямо утверждают, что они руководствуются положением о том, будто "изменения населения вовсе не связаны с политической или идеологической системой, или с культурными, или с историческими факторами, присущими какой-либо одной стране" (см. реферат на с. 17).

В сборнике представлен реферат на статьи Конквеста "Статистика принудительного труда". Как правило, этот автор, без ссылок на источники, а лишь опираясь на данные некоторых своих единомышленников (Антонова-Овсеевко, А. Сахарова, Бжезинского и др.), дает картину неизмеримо большого числа репрессированных людей или погибших от голода (см. реферат на с. 70).

Мы полагаем, что знакомство с публикуемыми в сборнике рефератами будет полезным не только для специалистов в области исторической демографии СССР, но и для преподавателей истории в вузах и школах, для широкого круга интересующихся проблемами отечественной истории.

В.З. Дробижев

ЛЬКИС А.Р., РОУЛЭНД Н.Р.
ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В СССР И ЕГО ВЛИЯНИЕ
НА ОБЩЕСТВО, 1897 - 1977 гг.

LEWIS A.R., ROWLAND H.R.

Population redistribution in the USSR :
Its impact on Society, 1897-1977. -

N.Y.; Wash.: Praeger, 1979. - 485 p.

В реферируемой монографии известных американских исследователей Р.Льюиса и Р. Роулэнда предпринимается попытка выявления общих факторов, влияющих на рождаемость и движение населения в России и в СССР. Обращаясь к исторической демографии, они ставят перед собой цель раскрытия взаимосвязи процессов модернизации общества и изменения населения страны. При этом авторы подчеркивают, что законы народонаселения не зависят от экономической или социальной структуры общества. "Мы принимаем универсальный, или общий подход при анализе изменений населения в России и в СССР, поскольку убеждены, что изменения населения... вовсе не связаны с политической или идеологической системой, или с культурными, или историческими факторами, присущими какой-либо одной стране" (с. 2). Вместе с тем авторы отмечают, что определенная политика тех или иных государств вполне может влиять на демографические процессы с помощью социальных, экономических и др. программ.

Движение населения 1897—1926 гг.

Этот период характеризуется чрезвычайной хаотичностью в российской и советской истории. Первая мировая война, революция, гражданская война, интервенция, катастрофическое ухудшение экономики, нехватка продовольствия, голод, эпидемии — все это повлияло на массовые миграционные процессы, на увеличение уровня смертности и резкого падения уровня рождаемости. Имеющиеся данные не позволяют определить даже приблизительно демографические процессы в этот период, особенно по регионам.

Поэтому в качестве отправной точки для определения процессов миграции внутри страны в послереволюционный период авторы взяли перепись 1897 г. В то же время в книге указывается, что данные двух переписей (1897 и 1926 гг.) не могут быть полностью адекватны в силу следующих причин: 1) к 1926 г. политико-административная структура СССР была в значительной степени видоизменена (в 1926 г. политические органы увеличились по сравнению с 1897 г. в 2 раза); 2) из-за теорриториальных потерь в европейской части страны территорию СССР в 1926 г. не следует сравнивать с территорией Российской империи в 1897 г.; 3) определение внутригубернской миграции, согласно переписи 1897 г., несколько отличается от переписи 1926 г.; 4) определение "городской", используемое в этих двух переписях, неоднозначно и не соответствует критерию (с. 84).

Причины движения народонаселения 1897—1926 гг.

Представляется весьма затруднительным разделение относительного объема миграции и увеличения численности населения при определении движения народонаселения между 1897 и 1926 гг. из-за отсутствия точных данных. Имеющаяся дореволюционная статистика относится лишь к европейской части России

В период между 1897 и 1914 гг. эмиграция из Европейской России, включая Северный Кавказ, насчитывала 1,3 млн. человек, за этот же период общая цифра миграции из европейской части России в азиатскую часть составила 3,6 млн. человек, а между 1897 и 1926 гг. — 167,7 млн. человек (с. 96). В числе причин, способствовавших движению населения, авторы называют войну, революцию, гражданскую войну, голод.

Движение народонаселения 1926—1939 гг.

Этот период также характеризуется отсутствием точных данных о демографических процессах. Голод в 1932—1933 гг. на Украине, в низовьях Волги, на Северном Кавказе, в Западной Сибири, коллективизация, прикрепление к земле козачников, без сомнения, оказали влияние на росте смертности. Так, например, переход к оседлости части казахов, аграрная колонизация Казахстана в СССР явились причиной уменьшения населения Казахстана с 4 млн. человек в 1926 г. до 3 млн. в 1939 г., а с учетом естественной рождаемости потери составили около 1,5 млн. человек. В период с 1926 по 1939 г. население СССР увеличилось на 15%, т.е. с 167,7 млн. до 193 млн. человек (с. 100). В абсолютных цифрах городское население увеличилось с 15 млн. до 22 млн. человек в 1926 г., а в 1939 г. составило 49 млн. человек, т.е. прирост составил 2 млн. человек в год. 66% роста численности городского населения явились результатом миграции из деревни в город. Ускоренная насильственная коллективизация сельского хозяйства полностью подорвала аграрную политику, очевидно с этим процессом был связан и голод 1932—1933 гг., сопутствующий миграции. Сотни тысяч кулаков были депортированы. Количество скота упало на 50% (с. 100). Тем не менее, несмотря на внушительные размеры миграции в города, избыток рабочей силы в сельском хозяйстве в 1940 г. составлял 5 млн. человек.

Движение народонаселения 1939–1959 гг.

Данные о военных потерях не заслуживают доверия. Потери, непосредственно связанные с войной, оцениваются от 20 млн. до 22 млн. человек: учитывая и другие потери, как, например, снижение рождаемости, можно назвать цифру не менее 50 млн. человек. Во время войны более 1 300 тыс. крупных промышленных предприятий вместе с рабочими были перемещены на восток страны, как и многие колхозы и МТС. Сюда следует добавить и гражданское население, спасавшееся от немецкой оккупации (в период с июля 1941 по октябрь 1942 г. от немцев бежало более 20 млн. человек) (с. 104). Во время и непосредственно после войны был депортирован ряд национальностей, около 1 млн. человек. После войны около 400 тыс. японцев, живущих на северном Сахалине и на Курилах, бежало или было депортировано, а вместо них на Сахалин было переселено из центральных районов примерно такое же число советских жителей. Столько же переселилось во вновь образованную Калининградскую область. Между 1939 и 1959 гг. городское население увеличилось с 60,4 до 100 млн. человек, о чем свидетельствуют таблицы, приведенные автором (с. 106, 107).

Движение народонаселения 1959–1970 гг.

Этот период может быть проанализирован достаточно тщательно. Между 15 января 1959 г. и 15 января 1970 г. население СССР увеличилось на 33 млн. человек, с 208,8 до 241,7 млн. человек, т.е. на 15,8% (с. 109). Сдвиг в увеличении населения страны в это время переместился на юг. В традиционно русских западных регионах страны продолжалась тенденция относительного падения рождаемости, как и в прошлом веке (см. таблицы на с. 116–121).

В 50–70-е годы выявилась и новая тенденция миграционных процессов. Менее половины всех мигрантов приходилось теперь на долю сельских жителей. "Таким образом, – пишут авторы книги, – СССР достиг такого уровня, что миграция из города в город стала более значительной, чем из деревни в город" (с. 199). При этом отмечается действенность специальных мер, разработанных Советским государством, направленных на ликвидацию чрезмерного оттока рабочей силы из деревни. "Начиная с восьмого пятилетнего плана и до настоящего времени правительство продолжает значительно увеличивать капиталовложения в сельское хозяйство, повышать оплату, улучшать условия труда, повышать уровень механизации и электрификации, предоставлять больше свободного времени, улучшать и расширять жилищное строительство на селе, образование, транспорт и все виды обслуживания, строить промышленные предприятия в сельских районах" (с. 199).

В отличие от периода 1940–1950 гг., характеризовавшегося снижением темпов урбанизации и роста городского населения, период 1950–1970 гг. ознаменован увеличением темпов урбанизации, в основном благодаря росту городского населения. Между 1959 и 1970 гг. почти во всех крупнейших городах отмечался рост городского населения. Процессы урбанизации в России и в СССР дали толчок и к появлению городов с населением в 100 тыс. и более человек. В конце прошлого века (1897) и в начале советской эры (1926) около 1/10 всего населения и около 2/5 городского населения проживало в больших городах. Число больших городов стало больше 200, т.е. увеличилось в 10 раз по сравнению с концом прошлого столетия. В последние годы все чаще стали появляться города-"миллионеры". Если в 1959 г. было 3 города с населением, достигшим миллиона и более человек, то в 1970 г. их стало 11, а в 1977 г. – 16 (с. 279). Само по себе увеличение концентрации городского населения в больших городах вполне нормальное явление во всем мире, но в СССР такой феномен объясняется рядом специфических свойств. Уве-

личение количества населения в больших городах происходит, как правило, не вследствие естественного прироста рождаемости, а в силу других факторов. Проведя компьютерный анализ, авторам удалось установить, что темпы естественного прироста населения больших и малых городов (с корреляцией численности населения) примерно одинаковы с 1959 г. Тем не менее рост численности населения в больших городах существенным образом опережает численность населения в малых городах. Такую диспропорцию авторы объясняют тем фактом, что медленный рост малых городов связан с высоким уровнем миграции населения из-за ограниченности экономической и социальной базы малых городов, а также из-за падения рождаемости вследствие миграции детородного населения.

Рост больших городов продолжается несмотря на официальную политику, направленную на приостановление этого процесса. Авторы отмечают ряд факторов, помешавших проведению этой политики. Во-первых, некоторые крупные города, где предполагалось "ограничить" расширение промышленного производства, в конце 50-х годов продолжали расширяться и расти гораздо быстрее, чем городское население. Во-вторых, некоторые примеры указывают на то, что максимум проектных лимитов большинства крупных городов был уже давно исчерпан. Между 1959 и концом 70-х годов число крупных городов с населением свыше 250 тыс. человек почти удвоилось и перевалило за 100 (с. 280). Рост крупных городов авторы книги объясняют тем, что такие города продолжали получать большую долю промышленных капиталовложений и промышленное производство по-прежнему сильно концентрировалось. Среди других факторов, повлиявших на рост населения крупных городов и концентрацию крупного производства в них, авторы называют преимущества производства, объем рынка, качество и количество рабочих, преимущества транспортировки, возможности быстрого увеличения продукции. Несмотря на проводимую политику ограничения размера городов, в СССР продолжается быстрый их рост. Противоречия между политикой

и реальностью отражаются в происходящих в стране диалексах между сторонниками и противниками развития крупных городов.

Движение народонаселения в сельской местности

По сравнению с 1897 г. уровень аграризации в СССР резко снизился, что повлекло резкое увеличение уровня урбанизации. Если в 1897 г. 90% от общего числа населения проживало в сельской местности, то к концу 70-х годов там проживало менее 50% населения. Снижение уровня аграризации на рубеже столетий происходило за счет медленного роста численности населения в деревне. Этот процесс набирал силу и после революции, в 30-х годах, и продолжался до 1959 г. Однако между 1959 и 1970 гг. такая тенденция была приостановлена благодаря резкому увеличению численности сельского населения нерусских народов Юга. Но начиная с 1970 г. этот уровень вновь начал снижаться и упал до 100 млн. человек (с. 357). В среднем ежегодный уровень снижения численности сельского народонаселения составлял 1%, что не наблюдалось в период между переписями 1897 и 1970 гг.

Этот феномен авторы книги связывают с экономическим развитием, модернизацией и миграцией. Тем не менее численность советского аграрного населения все еще велика как в абсолютном, так и в относительном выражении, где-то между 100 и 130 млн. человек, т.е. от 40 до 50% советского населения живут в сельской местности (с. 359). Этому способствует ряд факторов. Прежде всего, исходя из того, что процесс урбанизации относительно недавно начался, вероятнее предположить, что еще не хватило времени на максимальное привлечение к нему сельского населения. Кроме того, сельскохозяйственный сектор по-прежнему нуждается в значительном числе сельских рабочих из-за относительно низкого уровня механизации по сравнению с другими индустриальными странами.

Урбанизация и ее последствия

Ускоренная урбанизация советского общества оказывала и будет оказывать большое влияние на жизнь советских людей. И хотя "взаимодействие между модернизацией и урбанизацией все еще изучено недостаточно — в концептуальном и эмпирическом плане — всякому ясно, что эти процессы тесно взаимосвязаны" (с. 405). Степень заселенности и гетерогенности городов стоит в прямой связи с такими факторами, как беспристрастность отношений, экономическая и профессиональная дифференциация, разделенность между рабочим местом и жилищем, сегрегация людей, эрозия традиционных ценностей, секуляризация мышления и т.д.

В советском контексте совершенно очевидно, что города являются центрами модернизации, поскольку они разительным образом отличаются от аграрных районов. Особенно это бросается в глаза в районах, заселенных по преимуществу славянским населением. Фактически все доступные показатели социальных изменений в городских районах СССР, такие как рождаемость, образование, разводы, преступления, говорят о том, что происходит всеобщий процесс и что проблемы, столь свойственные для урбанизированных обществ, характерны и для СССР. Например, повышается уровень преступлений в СССР, и этот уровень в городах гораздо выше, чем в сельской местности. Это явление связано с распадом семьи, родственных отношений и социальными отношениями. Около 28% от всех браков кончаются разводом, и наибольший процент разводов опять же в городах. К тому же, как правило, зарплата и уровень жизни в советских городах более высоки, культурные и образовательные запросы, наряду с товарами ширпотреба, более удовлетворительны.

Более низкий уровень рождаемости в СССР наблюдается также в городах. Уровень рождаемости в сельской местности был почти в 2 раза выше городского (0,94 против 1,70)

в 1974-1975 гг. Таким образом, заключают авторы, если такие демографические процессы будут иметь место и в будущем, то дальнейшая урбанизация приведет к еще большему понижению уровня рождаемости в СССР.

Рабочая сила и миграция

Другой демографической проблемой, связанной с миграцией, которая будет иметь большие последствия для СССР в 80-90-е годы, - резкое снижение численности населения рабочего возраста (с 20 до 59 лет) и особенно среди славянского населения. Между 1970 и 1980 гг. население этой категории увеличивалось ежегодно на 1,7%, а в 80-90-е годы прирост составит только 0,7% в год (с. 406). Более того, основную массу этой категории составит неславянское население, из которой почти 3/4, не считая миграции, будет приходиться на Среднюю Азию, Казахстан и Закавказье, где население рабочего возраста будет увеличиваться ежегодно на 2,5%, а в остальных регионах страны эта категория будет расти ежегодно на 0,2%.

Наиболее индустриализированные экономические районы, такие как Северо-Восток, Центр, Донецко-Днепровский регион, будут испытывать абсолютное снижение численности рабочего населения. Медленный рост рабочего населения и неправильное распределение будет замедлять экономический рост и создаст ряд дополнительных проблем. Среди таких проблем авторы называют и военную. Приводя результаты анализа, проведенного американскими демографами М. Фешбах и С. Рапави, авторы книги считают, что к концу этого столетия 34,6% будущих призывников в армию будут составлять выходцы из Средней Азии, Казахстана и Закавказья, а это в свою очередь будет способствовать появлению новых проблем лояльности и компетентности русского языка (с. 407).

Миграция и национальные проблемы

Совершенно ясно, что ряд вышеперечисленных проблем, вероятно, повлияет на модернизацию, экономическое развитие, советскую внешнюю политику и на международные отношения. Однако экономические и военные последствия, возможно, и не будут доминирующими, по крайней мере в обозримом будущем. Если к концу нашего столетия значительное число "не-европейцев" переедет в регионы экономического развития, находящиеся на славянских территориях, то в таком случае могут обостриться национальные отношения и стать доминирующим фактором, определяющим советское общество.

Как правило, в многонациональных государствах миграция населения в города характеризуется этнической гетерогенностью, и именно "в таких этнически гетерогенных урбанистических районах национальное "мы" непосредственно сталкивается с чужим "они", а это уже готовит почву для этнического конфликта. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что все этнические конфликты в СССР случаются в городах, поскольку вероятность непосредственного физического взаимодействия среди различных этнических групп в сельской местности обычно минимальная" (с.410).

Тем не менее пробуждение этнического сознания в сельской местности (хотя и в меньшей степени) может происходить через средства массовой информации, радио, телевидение, иногда посредством общения с инонациональными группами.

К наиболее географически мобильным группам населения авторы относят русскую, еврейскую и татарскую. Доминирующую роль в миграции внутри страны в нерусские районы занимает русская этническая группа. Между 1897 и 1970 гг. русское население Сибири и Дальнего Востока (в прошлом нерусские регионы) увеличилось с 3 млн. до 20 млн. человек и в 1970 г. составляло 16% от всего русского населения.

Кроме того, около 10 млн. русских в 1970 г. проживало в нерусских национальных автономиях РСФСР, составляя почти половину их населения. Таким образом, к 1970 г. около 30 млн. русских, или 23% русского населения, проживало в нерусских административных образованиях (с. 411).

По уровню урбанизации русские далеко опередили все остальные этнические группы. В период с 1897 по 1970 г. русское городское население увеличилось более чем на 65 млн. человек, а уровень урбанизации повысился с 13 до 53%.

Относительно географической смешанности этнических групп: русские сельские регионы, и в значительной степени городские, в целом остаются этнически гомогенными, в то время как в нерусских городских центрах увеличилась гетерогенность населения. Однако есть основания полагать, что такие тенденции в ближайшие десятилетия изменятся, имея в виду ожидаемую миграцию из нерусских, особенно из мусульманских регионов в русские и другие славянские районы.

Славянские регионы в целом характеризуются низкой рождаемостью, относительно низким уровнем и падением темпов производства рабочей силы. Увеличение численности турко-мусульманского населения происходит быстрыми темпами, экономика их этнических образований сравнительно неразвита и имеются резервы рабочей силы. При сохранении таких тенденций ожидается массовая миграция турко-мусульманского населения в славянские районы. Поэтому вполне вероятно предположить, что русские и другие славянские регионы в этническом плане будут менее гомогенными, что увеличивает вероятность этнических трений. Совершенно очевидно, замечают авторы книги, что в многонациональной стране, где происходит относительно ускоренное экономическое развитие и где остро ощущается региональная нехватка рабочей силы, трудно предполагать в зонах экономического развития наличие этнической однородности.

Проблемы Средней Азии

Средняя Азия является наиболее показательным регионом, где эти процессы имеют место. Хотя и в меньшей степени, но аналогичные процессы происходят в Казахстане, в Закавказье и в большинстве других этнических районах РСФСР.

Как уже отмечалось, тюрко-мусульманское население Средней Азии имеет чрезвычайно высокий уровень рождаемости, что непосредственно ведет к увеличению численности населения рабочего возраста. Общая численность тюрко-мусульманского населения Средней Азии ежегодно увеличивалась в среднем между 1959 и 1970 гг. на 3,4%, а отдельные группы даже на 4%. При сохранении таких темпов рождаемости 15 млн. тюрко-мусульманского населения, за исключением татар, удвоится к 1990 г., а к концу века — утроится. Даже в случае некоторого падения рождаемости в целом по региону в ближайшие 10–20 лет такая картина вряд ли изменится, поскольку 50% населения основных этнических групп находилось в возрасте 15 лет в 1970 г. Увеличение населения будет происходить в аграрном секторе, поскольку в 1970 г. лишь 21% тюрко-мусульманского населения Средней Азии жил в городах (с. 412). Общая численность населения рабочего возраста (от 20 до 59 лет) в Средней Азии между 1970 и 1990 гг. повысится вдвое и увеличится на 7,5 млн. (за исключением миграции), а численность населения, достигшего рабочего возраста (имеется в виду население от 20 до 29 лет. — Ред.), почти утроится. Таким образом, между 1980 и 1990 гг. доля населения Средней Азии в общей численности советской рабочей силы составит 40%.

По мнению авторов, избыток рабочей силы в Средней Азии происходит из-за медленных темпов (по сравнению с рождаемостью) окультуривания и ирригации площадей, а также вследствие внедрения механизации сельского хозяйства для увеличения производства хлопка и понижения его себе-

стоимости. Кроме того, наблюдалась и слабая миграция в свои города, в основном пополняемые за счет расселения в них русских и представителей других национальностей.

На процесс миграции в Средней Азии, по всей видимости, будут влиять два фактора. Первый – избыток рабочей силы. Со вторым фактором связаны повышение образования и сопутствующие ему социальные и культурные перемены. Так, например, в 1970 г. 54% всех молодых людей узбекской национальности в республике в возрасте от 20 до 29 лет окончило десятилетку, что соответствовало показателям и среднего русского населения СССР. В городах для узбеков этот процент составлял 66, а на селе – 48, но для всех коренных национальностей Средней Азии этот уровень был несюлько ниже, особенно в Таджикистане. Более того, в сельских районах Узбекистана процентное соотношение мужчин и женщин, окончивших десятилетку, почти сравнялось, что влияет на статус женщины. Подобные тенденции наблюдаются и в остальной Средней Азии.

Значительным образом уменьшился и процент женщин, вступающих в брак от 16 до 19 лет. "Сельское население Средней Азии, – пишут авторы, – нельзя рассматривать в статических, традиционных рамках как неграмотное мусульманское население, поскольку все приведенные факторы указывают на важные социальные изменения" (с. 413). Исходя из аналогичной ситуации в других странах, авторы полагают, что в ближайшем будущем может начаться более интенсивная миграция в города собственных республик, а затем и в другие регионы СССР, испытывающие дефицит рабочей силы. Однако сейчас трудно определить с точностью миграционные процессы, так как это будет зависеть от политики, которую намерено проводить правительство, но несомненно одно: миграционные процессы начнутся уже в конце 80-х годов.

Авторы указывают, что в СССР нет до сих пор выработанной программы миграции, поскольку правительство не уделяло этому вопросу достаточно внимания и средств. Вплоть до

сегодняшнего дня не было разработано никаких стимулирующих инструментов, которые способствовали бы миграции в Сибирь, контролировали бы миграцию из славянских районов или же ограничивали рост крупных городов. Безусловно, рабочая сила — один из мобильных факторов производительности, в этом смысле правительство могло бы сделать дополнительные капиталовложения в экономику Средней Азии, задействовав в производство излишки рабочей силы. Однако в Средней Азии наблюдается медленная отдача капложений, недостаточная концентрация экономики, бедность природных ресурсов для развития тяжелой промышленности, отдаленность от регионов сбыта и относительная слабость развития инфраструктуры, если иметь в виду транспортировку. Проведение таких экономических затрат противоречило бы основной цели советской экономики — увеличению всеобщего уровня экономического развития, который и так не блещет успехами. Кроме того, есть ли смысл делать долгосрочные капиталовложения в периферийный нерусский район, чреватый потенциальной нестабильностью (с.416). С точки зрения минимализации этнических трений в многонациональной стране, отмечают авторы, политика, не поощряющая миграцию жителей Средней Азии в другие районы страны, представляется благоразумной, однако правительства, как правило, выбирают политику наиболее краткосрочных экономических выгод, оставляя без внимания долгосрочные социальные последствия, как это случилось в некоторых западноевропейских странах в отношении рабочих-иммигрантов.

Несмотря на проводимую политику выравнивания экономических уровней и определенные успехи в этой области, "советская экономика по-прежнему характеризуется значительными региональными аномалиями в своем развитии, будь это по таким показателям, как занятость в промышленности, урбанизация, потребление топлива или же величина национального дохода на душу населения. Определенные районы в своем развитии обогнали другие, на самом деле все менее раз-

витые регионы (Средняя Азия, Белоруссия, Молдавия, Юго-Запад, Центральное Черноземье и Закавказье) представляют собой нерусские этнотерритории" (с. 416).

В сущности, невозможно предсказать, какую политику будет проводить Советское правительство. Очевидно, что правительство будет мотивировать свою политику, исходя, прежде всего, из экономических соображений. В конце концов, возможно увеличатся капиталовложения в Среднюю Азию, однако остается под вопросом сам факт поглощения излишков рабочей силы даже в случае внутренних миграционных процессов. Авторы книги считают, что при сохранении нынешних демографических и социально-экономических тенденций в Средней Азии и в других районах СССР вполне вероятно ожидать появление ряда определяющих факторов, способствующих значительной миграции.

Заканчивая свое исследование, авторы книги подчеркивают: "Мы можем с определенной уверенностью утверждать, что пока в СССР не произойдут значительные перемены, вполне вероятна миграция с одной этнической территории в другую... Понять проблему движения населения в СССР, изучая эти процессы лишь в СССР, - невозможно. Здесь требуется общее понимание того, как демографические процессы переплетаются с экономическими, социальными, культурными, ибо демографические процессы имеют место не только в СССР" (с. 424).

Н.А. Виленский

УИТКРОФТ С.Г.
ДВИЖЕНИЕ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ, 1908-1926 гг.

WHEATSCROFT S.G.

Population movements, 1908-1926.. - Birmingham, 1987. - 26 p. - (Fourth conference of intern. work-group on Sov. econ. history, January 6-9 1987, Birmingham : From tsarism to the new econ. policy. - continuity and change in the economy of the USSR).

Доклад С.Г. Уиткрофта был представлен на четвертой конференции международной рабочей группы по экономической истории СССР, которая состоялась в январе 1987 г. в Бирмингеме.

В центре внимания автора - переход России к новой модели демографического развития общества, который совпал здесь с переходом к другой общественно-экономической формации, а также влияние, оказанное на него демографическим кризисом 1914-1922 гг.

Характеризуя источниковую базу исследования, автор замечает, что переломный период в истории России наложил определенный отпечаток на деятельность статистических органов, что в конечном итоге оказалось на сохранности демографической статистики. После революции, пишет автор, "деятельность центральных статистических учреждений, ко-

нечно, была нарушена, однако на местном уровне преимущество до известной степени сохранилось" (с. I).

В дореволюционной России помимо Центрального статистического комитета при Министерстве внутренних дел, куда стекалась вся статистическая информация и который был упразднен после революции, сбором демографической статистики занимались также органы местного самоуправления. Статистическими отделами располагал также ряд министерств и департаментов. Особый интерес представляют данные санитарной статистики, предметом изучения которой была смертность населения и ее причины.

Среди демографических источников, использованных в работе, автор выделяет прежде всего материалы переписей населения. По дореволюционному периоду — это главным образом первая Всероссийская перепись населения 1897 г., после которой планировалось провести новую перепись в 1915 г. не состоявшуюся из-за начавшейся войны. Из прочих более менее крупных статистических работ в дореволюционный период автор отмечает промышленные переписи, а также сельскохозяйственную перепись, организованную в годы первой мировой войны (1916 и 1917 гг.) в связи с возникшими производственными затруднениями.

В советское время первая полная демографическая перепись населения была осуществлена в 1920 г. "Тем не менее вследствие того, что в это время Россия переживала гражданскую войну и общество находилось в состоянии дезорганизации, было совершенно очевидно, что необходима новая перепись населения" (с. 3). Такая перепись состоялась в 1923 г.

В большой степени в работе использованы также данные о рождаемости, смертности и брачности. Такие данные начиная с XVIII в. регистрировались священнослужителями православной церкви в метрических книгах и затем представлялись в ежегодных отчетах Министерству внутренних дел. С

XIX в. такие же данные поступали от священнослужителей других вероисповеданий. Накануне революции в некоторых районах Российской империи была введена система регистрации актов гражданского состояния, которая после революции целиком вытеснила религиозную систему. Однако поначалу, вследствие отказа крестьянства принять гражданскую систему, данные регистрации гражданского состояния населения деревень, относящиеся к периоду 1917–1923 гг., были крайне неудовлетворительны. Данные регистрации по городам, где легко осуществился переход к гражданской системе, напротив, являются достаточно полными и представляют известную ценность.

Автором использованы также результаты ретроспективных исследований, проведенных в начале 30-х годов сотрудниками Ленинградского демографического института С.А. Новосельским и В.В. Паевским, работы исследовательницы Р. Сифман, посвященные советским женщинам как определенной группе населения. Привлечены также данные о заболеваемости инфекционными заболеваниями, потреблении продуктов питания и ценах на них.

Демографическое развитие России накануне первой мировой войны, отмечает автор, характеризуется высоким уровнем естественного прироста населения – 2,5–3 млн. в год, или 1,7–2%. Высокие темпы роста населения, считает он, объясняются тем, что в рассматриваемый период Россия переживала переходную стадию своего демографического развития от модели с высоким уровнем рождаемости (40–50%) и высоким уровнем смертности (30–40%) к современной демографической модели общества с довольно низким уровнем рождаемости (15–20%) и еще более низким уровнем смертности (10–15%). Вследствие того, что в начальный период трансформации уровень смертности снижается быстрее, чем уровень рождаемости, временно устанавливается высокий уровень прироста населения, что и наблюдалось в России накануне первой мировой войны.

Для определения влияния первого демографического кризиса (1914–1922) на естественные демографические процессы автор предлагает сравнить демографическое развитие России накануне первой мировой войны и после выхода из кризиса.

Анализируя тенденции развития России в довоенные годы, автор обращает внимание на то, что вследствие продолжительности периода, прошедшего со времени первой Всероссийской переписи населения 1897 г. и несистематического характера исследований населения, проводимых Центральным статистическим комитетом, официальной статистикой была создана картина несколько преувеличенного роста как городского населения, так и населения в целом. Поправки были предложены сначала С.А. Новосельским (Отдел санитарной инспекции Министерства внутренних дел), затем Зайцевым и Волковым (ЦСУ и Госплан) и совсем недавно Р. Сидман. Эти цифры сведены автором в таблицы I и 2 (с. 7).

Картина преувеличенного роста населения, считает автор, возникла в результате занижения как уровня смертности, так и уровня рождаемости. По подсчетам ЦСК, в 1910 г. разница между уровнем рождаемости и уровнем смертности составляла 14,1 на тысячу населения. В действительности, по мнению автора, уровень рождаемости составил 45,1, а уровень смертности 31,5 на тысячу населения, вследствие чего и разница будет меньше – 13,6. Расхождение между различными сериями данных автор показывает в таблице 3 (с.8).

В таблице 4 (с. 9) представлены главные показатели демографического развития для 50 губерний России, подготовленные санитарной инспекцией, "Из этих цифр ясно, – пишет автор, – что Россия в начале 1880-х годов вступила в начальную стадию демографических изменений, когда наблюдается понижение уровня рождаемости и уровня смертности, на которое не повлияло незначительное увеличение смертности и снижение прироста населения во время голода начала 1890-х годов (с. 8). После быстрого прироста населения

в период между 1890 и 1908 гг., который достигнут главным образом за счет опережающего снижения смертности, в последующие 5 лет, т.е. накануне первой мировой войны, он уменьшается.

Касаясь далее соотношения между городским и сельским населением, автор отмечает, что использование неверной демографической статистики способно в высшей степени ввести в заблуждение. Так, вопреки начавшемуся в действительности подъему урбанизации, данные ЦСК указывают на ее упадок. Этот чисто статистический феномен, считает автор, возник вследствие ошибочности в подсчетах, касающихся движения населения между городом и деревней.

Сравнение уровней рождаемости и смертности в городах и сельской местности представляет собой проблему. Дело в том, что в начале XX в. города имели своеобразную половозрастную структуру, обусловленную временной миграцией сюда непропорционально большого числа взрослых мужчин. "В результате того, что число женщин было в городах относительно меньше, уровень рождаемости здесь очень часто был значительно ниже, чем в сельской местности." (с. 9). Меньшей рождаемости в городах соответствовала меньшая детская смертность, что в значительной степени влияло на общие показатели рождаемости и смертности.

Если взглянуть на демографическую ситуацию с другой стороны, то можно увидеть, что многие крестьяне-рабочие после своего увольнения возвращались в сельскую местность, вследствие чего в городах число пожилых людей было ниже. Отсюда в городах фиксировались ниже и рождаемость и смертность, но эти цифры нельзя интерпретировать, как если бы смертность населения была ниже или плодовитость женщин меньше. Исследование данных о возрастной специфике смертности показывает, что уровень смертности в действительности был выше в городах, чем в сельской местности.

Рассматривая региональное распределение населения, ав-

тор использует серии данных, предложенных Зайцевым. Эти данные показывают крайне высокий прирост населения в восточных районах, примерно 2,5% в год.

В Южном и Центральном районах, производящих сельскохозяйственную продукцию, он был несколько ниже, хотя тоже достаточно высокий – 1,5% в год. В северном потребляющем районе он был еще ниже, но все же достаточно высок – 1,2% в год (см. табл. 6п, 6в).

В таблицах 6о и 6 (с. II) показан уровень урбанизации по регионам: в северном потребляющем районе он был значительно выше, чем в других. Степень урбанизации южного производящего района (и особенно Украины) в 1890-х годах увеличилась очень значительно, но затем темпы замедляются в сравнении с другими регионами, и особенно с центральным производящим регионом.

Исследуя эмиграцию в дореволюционный период, автор констатирует, что она имеет тенденцию постоянного роста: если в 1870-е годы число российских граждан, эмигрировавших в Канаду и США, составляло менее 10 тыс., то в начале XX в. оно достигло уже 100 тыс., а в пиковые 1907 и 1913 гг. – 250 тыс. (см. табл. 7). Как указывает Новосельский, только небольшую долю эмигрантов в 1905–1911 гг. составляют русские (6,5), хотя в дальнейшем их число растет.

Новосельский также фиксирует рост внутренней миграции, которая двигалась на восток через Урал. Автор считает, что картина внутренней миграции у Новосельского оказалась несколько искаженной вследствие того, что он не учитывал значительное число мигрантов, возвратившихся назад (табл. 9).

Далее автор переходит к характеристике демографического развития России в первые годы после революции. Вненесенные в таблицу 10 выборочные данные из исследований Зайцева, Волкова, Бирабен, касающиеся движения народона-

селения в 1914–1927 гг., согласуются между собой в общей численности населения, но значительно расходятся в показателях уровня роста.

Согласно данным Бирабен, самые большие потери населения приходится на 1918–1919 гг., в то же время у Волкова и Зайцева – это 1920–1921 гг. На основании исследования хронологии и масштабов голода автор приходит к заключению, что дефицит населения в 1922 и 1921 гг. должен быть большим, чем указано этими исследователями.

Наиболее примечательной чертой демографического развития этого периода, отмечает автор, является движение незарегистрированного населения. Первая волна движения приходится на период 1914–1917 гг. Она вызвана мобилизацией в царскую армию, притоком военнопленных, а также беженцев из Польши и Галиции после отступления царской армии в 1915 г., бегством армянского населения в Россию от преследования турецких властей. Вторая волна движения народонаселения связана с революцией и гражданской войной 1917–1920 гг., оттоком населения из крупнейших городов на севере страны, бегством населения из районов, охваченных гражданской войной как в сторону белой армии, так и в сторону Красной Армии. Третья волна совпадает с голодом 1921–1922 гг. и направлена из районов, охваченных неурожаем – Поволжья, Северного Кавказа и Украины.

Особый интерес, отмечает автор, представляет исследование движения народонаселения, проведенное Волковым в 1930 г. Его классификация имеет свои особенности, например, он выделяет такие категории, как военная служба вне действующей армии, эвакуированные больные и раненые, демобилизованные, не прибывшие к месту жительства. Все это указывает, что временно проживающих было значительное число. Только беженцы и военнопленные по состоянию на 1 января 1917 г. составляли 7,8 млн., или 5,4% от всего населения, и еще больший процент от городского населения –

12,0% (2,8 млн.). К концу 1917 г. эти цифры значительно возросли — до 9,7 млн., или 7% от всего населения, и 3,5 млн., или 14% от городского населения (с. 16).

К ним надо добавить солдат действующей армии, составивших 5 млн. человек, и недействующей армии, по различным подсчетам от 2,8 до 7,9 млн. человек (от 0,5 до 2,8 млн. в городах).

В целом служащие в армии, беженцы и военнопленные составляли в конце 1917 г. 17,5 млн., или 12,4% от всего населения страны, соответственно это составляло 6,3 млн., или 24,6% городского населения.

Недостаточное внимание, по мнению автора, Волков уделит второй волне движения населения, которая на деле была очень значительна. Население обеих столиц в этот период снизилось на 2,5 млн. человек. Часть ушла в близлежащие сельские районы, другая часть отхлынула на юг, где было больше продуктов питания.

Большое количество граждан находилось в этот период в обеих воюющих армиях. Максимальных размеров белая армия, согласно данным Волкова, почерпнутым из сообщений разведки РККА, достигла к маю 1919 г., когда она насчитывала 682 тыс. человек регулярной армии и 1023 тыс. вспомогательных войск (с. 16).

Значительно более многочисленной была Красная Армия. К 1 сентября 1920 г. ее численность составила 3,5 млн. После польской кампании она резко снизилась.

Последняя и, возможно, наиболее серьезная волна беженцев, отмечает автор, приходится на 1921–1922 г., вызванная засухой и неурожаем, охватившим районы Поволжья, Северного Кавказа и Украины. Голодом было охвачено 23 млн. человек, вследствие чего поток беженцев устремился в направлении с Волги на Украину, где они ожидали найти достаточное количество продуктов питания, часть двинулась с запада на восток в направлении Ташкента, другая часть попыталась уйти от голода в северные районы страны.

Касаясь распределения населения между городом и деревней, автор замечает, что один из самых неожиданных результатов был получен Волковым, который пришел к мнению, что в исследуемый период наблюдается увеличение численности городского населения. Это, отмечает автор, в какой-то степени противоречит представлениям о массовой деурбанизации Петрограда, Москвы и ряда крупных городов на севере страны. На первый взгляд выводы Волкова могут показаться невероятными, но при более пристальном рассмотрении они находят подтверждение в увеличении численности населения в большом количестве маленьких городов, что в общем компенсирует снижение численности в городах-гигантах. В таблице 12 представлены данные о размерах 18 крупнейших городов СССР.

Из приведенных цифр ясно, что большие урбанизированные города, как, например, Ленинград и Москва, с населением более 1,5 млн. переживали в период 1914-1920 гг. снижение численности населения в катастрофических размерах, т.е. более чем наполовину, и особенно в 1917-1920 гг.

В двух крупнейших городах - Киеве и Одессе - также наблюдался упадок, численность в них снизилась на 22%. В других 10 городах с численностью 140-250 тыс. она снизилась лишь на 8%. В то же время большое количество городов с населением менее 140 тыс., которые составляли 2/3 от общего количества городов, испытывали в это время рост населения, обеспечивая, таким образом, прирост городского населения в целом.

Наблюдавшийся процесс, считает автор, можно квалифицировать как упадок городов скорее в смысле концентрации населения, чем в смысле урбанизации. Городское население, указывает автор, не возвращалось в деревни, а переселялось из крупных городов в мелкие, которые были лучше обеспечены продовольствием. Поэтому, замечает автор, из результатов исследований динамики населения в крупных городах

вряд ли правомерно выводить тенденции развития городского населения в целом.

В связи с вопросом о степени концентрации населения в городах автор рассматривает вопрос о его региональном распределении. Важно отметить, что из четырех включенных в таблицу городов, где в рассматриваемый период 1914–1920 гг. наблюдался рост населения, ни один не расположен в Северном потребляющем регионе. В то же время города с наибольшим снижением численности населения – Москва, Петроград, а также Ивано-Вознесенск – все расположены в Северном потребляющем регионе.

Переходя к характеристике рождаемости и смертности в рассматриваемый период, автор замечает, что вследствие отмеченного отсутствия удовлетворительных данных, необходимые сведения получены в результате ретроспективных исследований полвозрастной структуры населения последующего периода. Эти данные представлены в таблицах I3 и I4 (с. 20–21).

В таблице I5 (с. 21) "данные свидетельствуют, что потери населения в целом в период 1914–1920 гг. были намного серьезнее в Северном производящем регионе, чем в других районах, и что в эти годы в действительности наблюдается существенный рост населения в Восточном производящем регионе" (с. 22). В то время как в Северном и Южном производящих районах к 1925 г. увеличились потери населения, Центральный производящий район, а также Восточный производящий район остались на прежнем уровне.

Что же касается урбанизации, то данные, полученные до переписи населения 1923 г., очень преувеличивают степень ее упадка. Согласно позднее полученным данным, упадок и в период демографического кризиса сильно преувеличен. Вместе с тем необходимо отметить значительные колебания в этом процессе по регионам: рост городского населения в зоне Восточного производящего региона и уменьшение численности

городского населения в Центральном производящем регионе и частично в Северном потребляющем регионе.

Характеризуя далее эмиграцию из СССР, автор отмечает, что собственно эмиграция была прервана первой мировой войной. Поток же беженцев и военнопленных в годы войны насчитывал, согласно Волкову, до 9,7 млн. человек, хотя многие из них могли быть в числе погибших. После революционная эмиграция из России, подсчитанная на основании данных различных международных агентств, по мнению автора, представляет собой заниженные цифры. Здесь следует иметь в виду, что регистрации в международных агентствах подлежали лишь нуждающиеся беженцы, в то время как состоятельные беженцы не регистрировались.

"Одна из самых примечательных особенностей российской и советской демографической истории, — пишет автор в заключение, — состоит в преемственности их развития, представляющего собой переход к последовательному снижению уровней рождаемости и смертности, который, как оказалось, не был нарушен демографическими катастрофами того времени. В 1923 г., когда кризис миновал, наблюдалась уже новая демографическая модель общества, при которой рождаемость и смертность установились не на том уровне, на котором они были прерваны 10 лет назад, а на том уровне, на котором они должны были быть, если бы тенденции снижения уровней рождаемости и смертности, наблюдающиеся до войны, ничем не были нарушены. Численность же и структура населения тем не менее претерпели воздействие демографического кризиса" (с. 24).

А.Д. Григорьев

ФЕШБАХ М.

**ДЕМОГРАФИЯ И СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО:
СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ**

FESHBACH M.

**Demography and Soviet society:
Social and cultural aspects. -
Wash. : Wilson center, 1981. - 79 p.**

ФЕШБАХ М.

**СОВЕТСКИЙ СОЮЗ:
ТЕНДЕНЦИИ И ДИЛЕММЫ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ**

FESHBACH M.

**The Soviet Union : Population trends and dilemmas //
Population bulletin. -
Wash., 1982. - Vol.37, N 3. - 45 p.**

В работах известного демографа М. Фешбаха, автора и соавтора более 50 работ, посвященных проблемам населения СССР, анализируется демографическая картина советского общества на протяжении 1950-1980-х годов.

Автор рассматривает демографическую ситуацию в СССР в совокупности факторов (рождаемость, смертность, миграции и т.п.), различая национальные и региональные особеннос-

ти процессов, основываясь на материалах по всем 15 республикам СССР, где проживают люди 125 национальностей.

По численности народонаселения (более 270 млн. человек) СССР занимает третье место в мире после Китая (1 млрд. человек) и Индии (714 млн. человек) и обгоняет США (232 млн. человек) (с. 3). Национальный уровень роста населения СССР, с учетом рождаемостей и смертей составляет 0,8% в год (с. 3).

Автор подчеркивает, что эта цифра нуждается в расшифровке с учетом региональных особенностей. Так, в РСФСР за период с 1970 по 1979 г. население выросло в среднем на 2-3%, или 0,62% в год. В то же время в Таджикистане прирост населения составил 3,5% в год, оказавшись в 6 раз выше, чем в РСФСР (с. 5).

По прогнозам западных демографов, к 2000 г. население РСФСР, составляющее в настоящее время 52% всего населения Советского Союза, сократится до 48-46%. В то же время рост населения в Казахстане и Среднеазиатских республиках имеет тенденцию к увеличению: 33 млн. человек в 1970 г., 40 млн. - в 1979 г. и, вероятно, к 2000 г. поднимется до 64 млн. человек (с. 5).

Автор констатирует снижение роста народонаселения СССР, отмечая, что начиная с 1950-х годов "рождаемость и смертность в стране драматически поменялись местами. Национальный уровень рождаемости снизился на 30%, тогда как смертность возросла на 40% и в настоящее время выше, чем в 1950 г." (с. 6).

Темп валового воспроизводства населения (ТВВ) по стране в целом снизился с 1954 по 1977 г. с 152,3 до 115,5%. В РСФСР это понижение произошло в тех же пропорциях, что и по стране в целом: с 127,6 до 96,0%. В Среднеазиатских республиках и Казахстане ТВВ в этот период возрастал, составив в Таджикистане 50% и в остальных республиках до 10% (с. 7-8).

Анализируя прирост населения в республиках, автор приходит к выводу, что к 2000 г. мусульманские группы населения составят 1/4 всего народонаселения СССР, что повлечет за собой постановку новых социальных и политических проблем для руководства страны (с. 8). По мнению автора, в пользу рассуждений об увеличении мусульманской части населения страны свидетельствует и опрос, проведенный ЦСУ в 1972 г. (было выборочно опрошено 300 тыс. женщин). Исследование показало, что женщины с высоким уровнем образования не стремятся к материнству, к рождению большого количества детей, не считая это своим идеалом, а, напротив, ратуют на нуклеарную одно-двухдетную семью. Предпочтение большим семьям отдали женщины мусульманских национальностей, включая новобрачных.

Автор рассматривает в своих работах демографические факторы, различающие городское и сельское население, отмечая, что 62% населения страны относятся к жителям городов (в Эстонии - 72%, в РСФСР - 69%) (I, с. II). Возрастные численности городского населения, полагает автор, вызвано в основном политикой правительства (более высокой, чем в сельской местности, заработной платой, лучшим обслуживанием в сфере быта, комфортом, перспективами образования и т.д.).

Автор отмечает, что нет данных о мигрантах - являются ли они выходцами из сельской местности или мигрируют из других городов и республик и какова доля каждой из этих категорий.

Пропорция между городским столичным и сельским населением наиболее контрастна в Казахстане и Киргизии, где в столицах живет соответственно 6,2 и 15% всего населения республики (I, с. 12).

Автор связывает падение уровня рождаемости с урбанизацией, с возрастанием образованности людей, городскими условиями жизни, занятостью женщин в народном хозяйстве, нарастанием миграции молодежи из деревни в город.

Миграция за пределы РСФСР не только снизила количество молодых семей, способных к воспроизведению потомства, но и поставила в экстремальные условия политику правительства в отношении распределения трудовых ресурсов в зоне Нечерноземья (I, с. 13).

По оценке Фешбаха, к 2000 г. рождаемость в регионе будет продолжать снижаться также вследствие миграции из РСФСР женщин в возрасте 20-29 лет.

Рассматривая факторы, могущие повлиять на увеличение рождаемости в РСФСР и на Украине, где преобладают малые семьи, автор относит к ним увеличение бюджета семьи, возможность дать детям образование, жилищный вопрос и др. Население европейской части страны, по данным Фешбаха, не только не воспроизводит себя, но и в некоторых регионах (Латвия, Эстония) имеет тенденцию к уменьшению.

Рассматривая в связи с падением рождаемости проблему разводов, автор отмечает, что с 1965 по 1980 г. регистрация разводов в стране возросла почти втрое - с 360 000 до 900 000, или 3,5% на тысячу населения (I, с.16). Автор отмечает, что на статистику разводов в значительной мере влияет национальный фактор. Анализ данных по Киргизии (столица и три области) показывает, что в столице республики со смешанным национальным населением разводы составляют 4,7% на тысячу человек, а в областях с однородным национальным коренным населением - 0,2% на тысячу человек (I, с.16).

Рассматривая социальные проблемы, влияющие на демографическую ситуацию в стране, автор отмечает, что наиболее острая из них - трудное положение женщин, занятых в народном хозяйстве и одновременно несущих основной груз в домашнем хозяйстве и воспитании детей. 25% опрошенных женщин пользуются услугами бабушек или других родственников в воспитании детей (Фешбах пользуется термином "суррогат

матери"), что, по его мнению, наносит ущерб как детям, так и семье в целом.

Анализируя политику партии и правительства в области демографии, автор обращает внимание на те меры, которые направлены на укрепление статуса семьи и в то же время констатирует, что часто они носят недостаточный и формальный характер. Так, увеличение продолжительности отпуска по уходу за ребенком и пособие, выплачиваемое матери в связи с рождением ребенка, не дали особенно большого эффекта, так как размеры пособий не соответствуют уровню жизни в стране. Большим препятствием почти во всех регионах к увеличению семьи является острый жилищный вопрос.

Р.П. Арманд

УИТКРОФТ С.Г.
ГОЛОД И ДРУГИЕ ФАКТОРЫ,
ВЛИЯЮЩИЕ НА УРОВЕНЬ СМЕРТНОСТИ В СССР.
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ 1918-1922 ГГ.
И 1930-1933 ГГ.

WHEATCROFT S.G.

Famines and factors affecting mortality in the USSR:
The demographic crises of 1918-1922 and 1930-1933 //
Famine in history newsletter: An occasional publication
for participants in the session on famine in history
to be held at the Eighth international economic history
congress. Budapest, 1982. - Вр., 1982. - P.1-30.

В докладе Уиткрофта, представленном на восьмом Междуна-
родном конгрессе по экономической истории, состоявшемся в
1982 г. в Будапеште, рассматриваются демографические кри-
зисы 1918-1922 гг. и 1930-1933 гг. "Эти кризисы, имевшие
огромное значение в советской истории, - пишет автор, -
до сих пор, к удивлению, крайне мало исследованы" (с. 1).
В центре внимания Уиткрофта - голод как один из факторов,
повлиявших на повышение смертности в СССР в указанные пе-
риоды.

Характеризуя состояние источников, автор замечает, что, несмотря на упразднение после революции Центрального статистического комитета, в деятельности статистических органов на местах сохранилась преемственность. Они не только не были дезорганизованы, но в определенном смысле переживали расцвет своей деятельности, продолжая собирать данные для демографической статистики и организуя новые исследования с использованием своего немалого опыта. Так под руководством А.Е. Лозитского были осуществлены исследования о состоянии питания городского населения СССР в 1919-1924 гг. и сельского населения в 1920-1924 гг. Кроме того, были систематизированы данные о заболеваемости инфекционными болезнями в этот период, крайне важные для всестороннего исследования причин смертности во время первого демографического кризиса.

Сложнее, как считает автор, дело обстоит с источниками по второму демографическому кризису, которые крайне скудны и ненадежны. В этот период, совпавший с первыми пятилетками, статистические органы подвергались немалому давлению со стороны государственных учреждений с целью получения благоприятных показателей о выполнении планов. В конце 20-х годов были приостановлены бесспорно полезные исследования о состоянии питания городского и сельского населения СССР. Данные о ценах, дающие косвенное представление о потреблении продуктов питания, долгое время были недоступны для ученых. "Но здесь, — пишет автор, — положение оказалось совсем не так плохо, как это могло показаться на первый взгляд" (с. 2). В последние годы советскими эпидемиологами были представлены недостающие данные о заболеваемости в этот период, и советскими историками и статистиками введены в оборот достоверные данные о ценах, в том числе на сельскохозяйственную продукцию.

Среди факторов, влияющих на повышение смертности в период первого демографического кризиса в СССР, считает

автор, определенную роль сыграл голод. При этом Уиткрофт отделяет понятие "голод" как непосредственную причину смерти от понятия "голодание" или "недоедание", которые косвенно влияют на повышение смертности населения. Ссылаясь на медицинских экспертов, автор подчеркивает, что именно голод во втором смысле имеет исключительное значение в тех обществах, где показатели смертности высоки даже в обычные годы. Это обусловлено, по его мнению, взаимосвязью недоедания с заболеваемостью инфекционными заболеваниями, а также с детской смертностью. К таким примерам Уиткрофт относит рассматриваемые в докладе демографические кризисы в СССР, Характеризуя первый из них (1914-1922), он отмечает единодушное мнение исследователей, что демографические изменения в этот период были очень значительными. Американский демограф Франк Лоример, сравнивая его по последствиям с монголо-татарским нашествием XIII в., исчисляет дефицит населения в 28 млн. человек (16 млн. умерших, в том числе 2 млн. военного и 14 млн. гражданского населения, плюс 2 млн. эмигрантов и 10 млн. дефицита рождаемости). По подсчетам французского демографа Дж. Бирабен, потери составили 21,4 млн., включая те же компоненты.

Имеющиеся в распоряжении статистические данные по Москве, Петрограду и Саратову позволяют детально проанализировать причины увеличения смертности в этих городах в период первого демографического кризиса. Хотя результаты исследования будут недостаточно репрезентативны для характеристики положения в СССР в целом, можно допустить все же, что Москва и Ленинград являются типичными примерами городов, расположенных в районах, не производящих зерно. Можно предположить также, что условия в Саратове были аналогичны тем, которые сложились в главных районах Поволжья, производящих зерно. К сожалению, отмечает автор, отсутствуют надежные данные по Украине.

В работе представлен график изменения по месяцам уровня смертности населения в период 1914–1922 г., зарегистрированный в трех указанных городах (с. 5). В общих чертах, пишет автор, по Москве и Петрограду он совпадает, в то время как график по Саратову существенно от них отличается. Потери населения в первые четыре года вполне объясняются условиями войны. Первые признаки демографического кризиса, считает автор, появляются в Саратове и Петрограде (в июле 1918 г.) и несколько позднее – в Москве. В целом же кризис в Саратове был намного серьезнее, чем в Петрограде или Москве. Наиболее многочисленной в обычные годы, констатирует автор, является смертность от болезней, включая общие заболевания детей, респираторные заболевания и оспу. Они охватывают 1/3 всех смертей в Москве и Петрограде и 1/4 – в Саратове. В кризисные годы рост смертности в этих группах отстает от показателей роста смертности в целом. Что же касается смертности вследствие болезней, связанных с употреблением некачественной воды и плохим питанием, то, если в обычные годы их уровень низок, в годы кризисов он возрастает в 5 раз и его рост превышает рост смертности в целом.

Наиболее заметно повышается в кризисные годы смертность, связанная с заболеванием тифом и лихорадкой, которые доминируют среди других причин. В нормальные годы смертность в этой группе крайне низка, в кризисные же годы уровень смертности повышается в 50 раз и достигает в отдельные годы до более чем 30% всех случаев смертности.

Что же касается смертности от голода и других внешних причин, то она и в обычные годы невелика, и в кризисные годы не намного увеличивается. Именно недоедание, а не голод, утверждает автор, становится главной причиной, влияющей на повышение уровня смертности в целом в годы демографических кризисов.

Прежде чем говорить о повышении смертности по отдельным категориям причин, необходимо, считает автор, комплексно взглянуть на повышение уровня смертности. Что тут имеется в виду? Смертность от инфекционных заболеваний, по его мнению, является следствием целого комплекса причин, в том числе голода. Медицинские эксперты указывают также на взаимосвязь недоедания и болезней, вызывающих детскую смертность. Поэтому, делает вывод автор, повышение показателей смертности по ряду категорий в то же время следует рассматривать как увеличение смертности под влиянием голодания.

Анализируя далее данные о потреблении продуктов питания в Петрограде, Москве и Саратове, автор подтверждает выводы о роли голода в повышении смертности в период первого демографического кризиса.

Данные о наличии у населения продуктов питания и их потреблении крайне искажены, считает автор, вследствие того, что агенты, занимающиеся реквизицией продовольствия в годы гражданской войны, старались их завысить, а производители, наоборот, занижить.

"Сравнение процессов, происходящих на свободном рынке в Москве, Петрограде и Саратове, показывает очень значительные изменения в этот период. Цена ржи на свободном рынке в Саратове была традиционно несколько ниже, чем в Северном районе потребителей, и внутри последнего цены в Петрограде были намного выше, чем в Москве. В 1914 г. московские цены были на 27% выше, чем цена в Саратове и на 23% ниже, чем в Петрограде" (с. 13).

Революция и последовавшая гражданская война в значительной мере изменили эту модель межрегиональной торговли, в результате чего розничные цены на рожь и ржаную муку в Саратове, Петрограде и Москве сблизились и стали везде крайне высоки. Новая цена на рожь в Саратове в сравнении с Москвой хорошо иллюстрирует недостаток продовольствия в традиционном районе, производящем зерно.

Далее автор приводит в таблице данные о потреблении продуктов питания в рабочей семье из расчета на I человека в день (с. 14). Они, отмечает автор, "показывают крайне серьезную ситуацию с питанием в марте 1919 г. в Москве и особенно в Петрограде. Эти данные соответствуют пику первого наиболее серьезного демографического кризиса этих лет" (с. 14). Свидетельствуя о недоедании, эти цифры подтверждают, что именно голод сыграл значительную роль в увеличении смертности в период первого демографического кризиса.

В Саратове ситуация с потреблением продуктов питания после неурожая 1920-1921 гг. была еще более мрачной, чем в других регионах. После урожая 1922 г. здесь положение, напротив, было заметно лучше. По расчетам автора, калорийность питания повысилась на 17% в Москве, II - в Петрограде и 49% в Саратове. "Именно в этот период уровень смертности упал и первый демографический кризис окончился" (с. 15).

Для определения причин смертности в годы демографического кризиса важное значение имеет анализ данных о заболеваемости инфекционными болезнями. Такие данные имеются по большей части территории СССР.

Советский демограф Е.З. Волков, занимавшийся этой проблемой в 1920-х годах, пришел к заключению о наличии постоянного уровня смертности вследствие этих болезней указывает на повышение уровня смертности в течение демографического кризиса 1918-1922 гг. по сравнению с обычными годами, а также по сравнению с более ранним по времени периодом 1914-1917 гг. и послекризисным периодом 1923-1924 гг. (см. табл. на с. 16). В годы недоедания, в частности в 1918 г., смертность от малярии возросла в 25 раз.

Подводя итоги по периоду первого демографического кризиса, автор заключает, что в узкомедицинском смысле

слова голод является причиной незначительного процента от общей смертности. Эти случаи отражены в официальных сводках и сомнений не вызывают. Между тем приведенные выше данные свидетельствуют, что именно недоедание влияет на повышение уровня смертности, воздействуя на повышение смертности по всем другим показателям, в том числе и от инфекционных болезней.

Переходя к характеристике периода второго демографического кризиса 1930-1933 гг., автор вновь обращает внимание на роль голодания в повышении уровня смертности. Хотя смертность от голода в узкомецинском смысле в этот период в СССР официально не признавалась, на недоедание населения, по мнению автора, указывают косвенные данные о потреблении продуктов питания, ценах на них, а также данные о заболеваемости инфекционными болезнями.

Советская статистика по периоду второго демографического кризиса, считает автор, требует критического к себе отношения.

Советский историк В.П. Данилов отмечает, что опубликованные демографические данные, относящиеся к концу 20-х годов, преувеличивают размеры снижения смертности. По оценкам Ф. Лоримера, уровень смертности также был намного выше. Серьезной попыткой оценить размеры дефицита населения в СССР между двумя переписями населения, 1926 и 1939 гг., автор считает исследования Ф. Лоримера и Дж. Бирабен. Так, Ф. Лоример пришел к заключению, что смертность в действительности была намного выше, чем она зафиксирована официальной советской статистикой. Поэтому можно лишь приблизительно судить о том, как распределялись цифры по различным пунктам причин смертности в период второго демографического кризиса.

Вследствие того, что программа исследований Лозитского о состоянии питания населения СССР была прервана в конце 20-х годов, стоит обратиться к косвенным данным о це-

нах, а также попытаться вычислить объем потребления продуктов питания на основе валового продукта.

Цены на продукты питания, отмечает автор, в большой степени зависели от заготовительной политики государства. С середины 20-х годов под контролем государства находилось межрегиональное распределение продуктов питания, в частности зерна, снабжение продовольствием больших городов, экспорт. В силу этого через государственную и кооперативную торговлю осуществлялась продажа зерна по низким розничным ценам. Однако заготовители очень скоро столкнулись с трудностями, обусловленными необоснованно завышенными планами заготовок, экспортом зерна, а также ростом населения, не принимающего участия в производстве сельскохозяйственной продукции.

Вследствие низких закупочных цен производители отказывались увеличивать заготовки. Это создавало дефицит зерна на внутреннем рынке, что немедленно открыло рынок для частных торговцев, продававших зерно по более высоким ценам. С конца 20-х годов все более увеличивается разница между низкими заготовительными ценами, розничными государственными и кооперативными ценами, с одной стороны, и высокими рыночными ценами — с другой.

Чтобы воспрепятствовать превращению зерна в объект частных спекуляций, осенью 1929 г. были предприняты попытки ограничения частной торговли путем повышенного обложения частных производителей, а затем вытеснения их с рынка путем сплошной коллективизации.

Автор приводит в таблице цены на рожь и ржаную муку в государственной, кооперативной и частной торговле по годам в период второго демографического кризиса (с. 22). Начиная с августа 1932 г. данные о ценах на рожь в свободной торговле по СССР в целом отсутствуют, но по отдельным городам все же имеются. Это позволяет провести сравнение между государственными ценами и ценами на свобод-

ном рынке на ржаную муку (или хлеб) были значительно выше в городах южных и центральных регионов, производящих зерно, чем в Москве. Это прямо указывает на очень суровые условия с запасами продовольствия в этих районах" (с. 28).

По этим данным можно проследить динамику роста цен. "В период между 1928 и 1933 гг., - констатирует автор, - цены на свободном рынке в Московской области на ржаную муку возросли более чем в 25 раз: с 210 руб. за тонну в 1928 г. до 6000 руб. за тонну в первой половине 1933 г." (с. 23).

Сравнивая рост цен с ростом зарплаты, автор отмечает, что в крупных промышленных центрах зарплата за тот же период увеличилась менее чем вдвое: с 70 руб. в 1928 г. до 127 руб. в 1933 г. Размеры заработка в сельском хозяйстве труднее определить, так как некоторые производители получали также доход от продажи своей продукции по рыночным ценам. Но все-таки последних было немного, а доход большинства определялся крайне низкими закупочными ценами на сельскохозяйственную продукцию.

Совсем недавно советскими исследователями была введена в оборот полезная информация о благосостоянии различных групп населения. Эти данные наряду с другими позволяют вычислить потребление продуктов в рассматриваемый период.

Из таблицы (с. 25), содержащей сведения о потреблении продуктов питания в ккал., видно резкое ухудшение качества питания в начале 30-х годов. Однако общее количество продовольствия в период второго демографического кризиса не было таким низким как в 1922-1923 гг. Вопрос, по мнению автора, упирается в распределение продовольствия. В эти годы многочисленная группа населения получала пайки, но те группы, которые их не получали, находились в крайне тяжелом положении. И даже среди городских жителей, которые в большинстве своем были охвачены пайками, рацион питания значительно отличался по качеству и количеству в различных социальных группах.

Другим аргументом автора, доказывающим наличие голодания в начале 30-х годов, является повышение уровня инфекционных заболеваний в СССР. В работе приведены данные о различных инфекционных заболеваниях (табл. на с. 27). Эти цифры, замечает автор, существенно отличаются от тех, которые были представлены органами здравоохранения в Лигу Наций в 30-х годах. При этом, добавляет он, маловероятно, чтобы в них было отражено истинное положение с инфекционными заболеваниями среди миллионов депортированных раскулаченных. "И все же эти цифры показывают увеличение числа зарегистрированных случаев заболеваний тифом в связи с голодом 1932-1934 гг., достигшее беспрецедентного со времени первого демографического кризиса уровня" (с. 26).

В период эпидемии тифа уровень смертности, в том числе в момент высшей его точки, был значительно ниже, чем в 20-е годы. Но если добавить сюда данные о смертности среди депортированного населения — кулаков, то они будут значительно выше. То же самое относится и ко всем другим инфекционным заболеваниям этого периода. "Что же касается снижения общих заболеваний среди детей, — продолжает автор, — то оно было следствием снижения рождаемости" (с. 28).

Резкое повышение уровня инфекционных заболеваний автор прямо связывает с ухудшением условий жизни и, главным образом, с хроническим недопаданием.

Таким образом, среди факторов, сыгравших решающую роль в повышении смертности в периоды демографических кризисов, автор указывает прежде всего на острую нехватку продовольствия. Эти выводы, касающиеся двух демографических кризисов, были сделаны на ограниченном материале. Из исследования были исключены большие группы населения — армия, беженцы, заключенные, депортированные кулаки, данные о которых существенно дополнили бы картину. За пределами исследования оказались такие регионы, как Украина и

Северный Кавказ, Восточные регионы – Урал, Сибирь, республики Средней Азии и Дальний Восток. Без сомнения, потребуется еще осмысление и этих данных. Но судить о демографическом кризисе, его сущности и основных факторах, считает автор, позволяют и приведенные факты. В рассматриваемые периоды на огромной территории СССР люди испытывали голод, который в сочетании с другими факторами, как, например, инфекционные заболевания, оказал решающее влияние на повышение уровня смертности. Во время второго демографического кризиса в Москве и Ленинграде не было голода в собственном смысле слова, но он имел место в конце 1932–1933 гг. в Саратове. Хотя в Саратове в 30-е годы он не принял таких жестоких форм, как это было в 20-х годах, но он мог быть очень серьезной проблемой на Украине, Нижней Волге и Казахстане и, без сомнения, принял крайние формы среди тех групп населения, которые были депортированы в отдаленные районы страны без средств к существованию.

А.Д. Григорьев

АНДЕРСОН Б.А.
СЕМЬЯ И ФЕРТИЛЬНОСТЬ В РОССИЙСКИХ
И СОВЕТСКИХ ПЕРЕПИСЯХ НАСЕЛЕНИЯ
ANDERSON B.A.

Family and fertility in Russian and Soviet censuses //
The conference in Russian and Soviet censuses held at
the Kennan institute for advanced Russian studies /
Woodrow Wilson center, Wash., May 27, 1983. -
Ann Arbor: Univ. of Michigan, 1984. - P.1-38.

Доклад Барбары Андерсон, профессора социологии (Ун-т шт. Мичиган), был представлен на обсуждение конференции по российским и советским переписям населения в Институте им. Кеннана в Вашингтоне в 1983 г. Автор отмечает, что информация о браке, семье и фертильности важна для советского правительства, так как возраст вступления в брак часто считается "показателем социального прогресса женщин, большая разница в возрасте между супругами может считаться показателем ситуации, когда значительно преобладают мужчины, а также исчезновение большой семьи рассматривается как ослабление традиций" (с. I).

Разница в фертильности (деторождаемости) по регионам и этническим группам явилась главной причиной различия в уровнях роста населения. Более высокая фертильность мусульман по сравнению с немусульманами вызывает озабоченность в связи с увеличением общего числа населения за счет традиционно мусульманских групп. Отмечается также "пожелтение армии".

Неблагоприятные события, произошедшие в истории Советского государства оказали влияние на формирование семьи. Острая нехватка мужчин в результате второй мировой войны сделала многих женщин вдовами, оставила множество семей без отцов, не дала возможность многим женщинам выйти замуж.

Структура семьи является главным объектом при изучении материалов переписи: от того, как в переписи определены понятия личность, семья и ведение хозяйства, во многом зависят результаты переписи. Основная разница в структуре семьи — между теми, кто живет в семьях, и теми, кто не живет в семьях. Хотя определение семьи различается от переписи к переписи, семья всегда должна состоять по меньшей мере из двух членов.

Члены семьи должны дифференцироваться как родственники по крови, усыновлению или браку, по совместному проживанию, совместному владению жилищем или общему бюджету. Советские переписи квалифицируют людей как глав семей; не глав семей, живущих вместе с другими членами семьи; членов семей, не живущих вместе с другими членами семей; не членов семей. В целом, отмечается в работе, перепись 1926 г. является наиболее полной из всех шести проведенных переписей, но в переписях пославоенных лет есть некоторые уточнения, касающиеся состава семьи и фертильности. По переписям 1970 и 1979 гг. была собрана и опубликована более детальная информация о семье в Советском Союзе в целом, чем по предыдущим. Перепись 1897 г. касалась от-

дельных лиц. В отличие от последующих переписей основной счетной единицей было домовладение, а не семья. Домовладения квалифицировались по размерам и указывалось, являются ли живущие родственниками или же нет.

В переписи 1926 г. и в последующих первым вопросом счетчика был: кто является главой семьи? Определение главы семьи в советских переписях менялось. В переписях 1926 и 1939 гг. главой семьи назывался человек, оказывающий основную материальную поддержку семье. В переписях 1959, 1970 и 1979 гг. счетчик был "проинструментирован определять главой семьи того, кого считала сама семья" (с. 5). Главой семьи должен быть взрослый, постоянно проживающий в семье. Последние советские определения главы семьи в основном совпадают с рекомендациями ООН по этому вопросу: главой семьи считается тот, кто признан другими членами семьи. При этом отмечается, что более точное определение главы семьи зависит от степени материальной помощи того или иного члена семьи (с. 6).

Определение главы семьи в США значительно отличается от рекомендаций ООН: "Главой семьи является человек, которого таковым называют члены группы, исключение составляют замужние женщины, которые не квалифицируются как главы семей, если мужа проживают с ними на момент переписи" (с. 7). Что касается определения члена семьи, то в рекомендациях ООН и США большее внимание, чем в СССР, уделяется вопросу совместного проживания. Советское определение семьи концентрируется на экономических связях (общий бюджет) для тех, кто проживает совместно, и на поддерживании регулярной связи для тех, кто совместно не проживает. Отсутствие требования совместного проживания для членов семьи в советских переписях отличает их от практики, существующей фактически во всем мире (за исключением некоторых районов Африки). Разница в определении понятия семьи, принятая в большинстве стран и в СССР, — это, в

основном, разница между семьей по проживанию и семьей по взаимодействию (с. 9).

Существует несколько возможных интерпретаций определения "семья", что отражается на результатах переписи. Такое различие в определении делает, например, советскую семью более многочисленной, состоящей из большего числа индивидов, более расширенной, чем американская. Согласно советским переписям, в СССР будет меньше одиночек, чем в США.

Отмечается разница в классификации студентов в советских и американских переписях. Так, в советских переписях 1959 и 1970 гг. студенты, живущие вне дома, но проживавшие по месту учебы, классифицировались как "члены семьи, не живущие с семьей". В 1979 г. определение "постоянное проживание" по месту учебы уточнялось: речь шла об учениках средней школы и студентах (с. 10). Американские студенты, живущие вне дома, классифицируются как постоянно живущие по месту жительства семьи или происхождения .

Советские переписи дают сведения о составе семьи, включая количество членов семьи, статус материальной зависимости ее членов, пол главы семьи, тип семьи. Деление по типам семьи происходит в зависимости от наличия или отсутствия супружеской пары, детей, некровных родотвенников.

Русские и советские переписи различны в степени детализации сведений о семейном положении. Если в переписях 1897 и 1926 гг. отмечался подробный анализ статуса "семейное положение" (одиноким (-ая), замужем (женатый), вдова (вдовец), разведенный (разведенная), то в переписи 1939 г. указывалось только, находится ли человек в настоящее время в браке. В 1959 г. счетчики фиксировали лишь "находящихся в настоящее время в браке" и "вдов". В 1979 г. была возвращена практика переписи 1897 и 1926 гг., т.е. давался подробный анализ семейного положения, хотя,

отмечается в работе, не указывался возраст, что значительно снижало эффективность информации. Иногда информация была субъективной: зачастую партнеры расходятся в суждениях, состоят они в браке или нет. Иногда вдовы (вдовцы) заявляли счетчикам, что они находятся в браке.

Переписи обычно не давали информации, относящуюся к деторождаемости. Только в переписи 1979 г. ставился прямой вопрос о фертильности, включая возраст ребенка до одного года в месяцах. Впервые был включен вопрос о количестве детей, включая живущих с матерью, вне семьи, умерших. Были опрошены все женщины, начиная с 16 лет и старше, независимо от их семейного положения. До 16 лет регистрировались лишь те, кто рожал, хотя, отмечается в работе, неясно, каким образом счетчику удавалось выделить эту категорию женщин, отсюда и неточность информации.

В заключение Б. Андерсон приходит к выводу, что "советские планирующие органы заинтересованы в сведениях о фертильности, браке и составе семей в связи с важностью этих сведений для прогнозирования роста населения, планирования необходимых социальных услуг. оценки социальной стабильности и изучения домашней экономики" (с. 30). Как советские, так и западные исследователи собирают информацию о семье и фертильности советского населения в связи с важностью вопроса о социальной структуре общества и социальных переменах.

В.М. Соломатина

УИТКРОФТ С.
ГОЛОД И ЭПИДЕМИИ В РОССИИ В 1918-1922 гг.
ПРИМЕР САРАТОВА

WHEATCROFT S.

Famine and epidemic crises in Russia, 1918-1922:
The Case of Saratow //
Annales de demographie historique. -
P., 1983. - N 4. - P.329-351.

Автор отмечает, что демографические кризисы, потрясшие Россию в 1918-1922 гг., являлись, по всей видимости, самым суровым испытанием, выпавшим на долю гражданского населения в новейшее время. По оценкам американского демографа Франка Лоуримера, Россия потеряла в 1914-1926 гг. 14 млн. гражданского населения (с. 329). Наибольшие потери приходятся на период 1918-1922 гг. Французский демограф Жан Ноэль Бирабен считает, что смертность от голода и болезней ореди гражданского населения превышала норму в 1918-1922 гг. на 4 млн. человек и что за последние 3 месяца 1921 г. и первые полгода 1922 г. голод, поразивший 2/3 населения страны, привел к гибели 5 млн. человек (с. 329). Угроза эпидемиологической и демографи-

ческой стабильности Европы была так велика, что западные государства посчитали необходимым принять самые решительные меры с целью локализации кризиса. Организация здравоохранения Лиги Наций (позднее Всемирная организация здравоохранения) возникла как результат озабоченности западных европейцев масштабами кризиса в России.

В данной статье рассматривается демографическая ситуация в Саратове, находившемся в центре голодающего Поволжья.

Надежность имеющихся статистических и демографических данных. Не вызывает сомнения, что революция и гражданская война, эпидемии и голод ввергли страну в состояние полного хаоса. Вместе с тем разразившаяся катастрофа почти не нарушила жизнедеятельность системы сбора и обработки статистических данных. Продолжали функционировать земские статистические органы, преобразованные в 1918 г. в Центральное статистическое управление. В тех районах, которые переходили из рук в руки, процесс сбора информации был нарушен. Однако там, где большевики прочно удерживались у власти, сбор информации продолжался. Наиболее серьезные проблемы возникали в связи с регистрацией смертности и рождаемости, а также массовой миграцией населения. После отмены церковных книг была введена гражданская регистрация, что на первых порах затруднило получение статистических данных. В результате в разгар холеры в июле 1921 г. удалось получить только часть данных. Существовали сложности с определением подлинной причины смертности, с выделением мигрантов среди всего населения в целом.

Демографический кризис. Демографический кризис, по определению автора, — это отклонение от нормальных сезонных колебаний смертности и рождаемости. Демографический кризис состоит из кризиса рождаемости и кризиса смертности.

Кризис рождаемости. Рождаемость упала между январем и августом 1919 г., что, по всей видимости, отражает процесс перехода к новой системе регистрации. Высокая рождаемость в первые шесть месяцев 1921 г. — показатель стремления населения зарегистрировать детей, чтобы увеличить размеры пайка. Падение рождаемости — с июля 1921 по май 1922 г. (на 45%) (с. 339) — можно отнести за счет последствий голода. Второй кризис рождаемости наблюдался в период с сентября 1922 по февраль 1923 г. (на 29%) (с. 339). В общем за данный отрезок времени рождаемость упала на 43%.

Кризис смертности. Анализируя имеющиеся данные автор утверждает, что в 1918—1922 гг. уровень смертности в 4—6 раз превышал норму. Наблюдалось четыре пика смертности: июль 1918 г. (119%), ноябрь 1919 г. (133%), июнь 1921 г. (169%) и февраль—апрель 1922 г. (147%) (с. 341). В июле 1918 г. пик смертности был вызван ростом заболеваемости, связанным с загрязнением воды и плохой пищей. В ноябре 1919 г. к этому добавилась смертность в результате воздушно-капельной инфекции. В июне 1921 г. наблюдалась аналогичная картина, характеризующаяся еще большим обострением эпидемиологической обстановки. Последний, четвертый кризис, был вызван всеми тремя факторами.

Основные факторы голода и эпидемии в Саратове в 1918—1922 гг. Снабжение продовольствием. С точки зрения Уиткрофта, надежных данных по производству зерновых в этот период не существует. Единственный возможный источник — сопоставление данных о производстве зерна в предшествующий период с метеорологическими данными. Высокий уровень инфляции затрудняет использование каких-либо региональных индикаторов. Очень важным фактором, повлиявшим на ситуацию, была помощь международных организаций, таких как фонд Нансена, Американская административная помощь. Имеющиеся данные позволяют сделать следующий вывод: до 1920 г. обеспечение продовольствием в Саратовской губернии и Цент-

ральной Волге было хорошим, даже несмотря на высокий уровень продразверстки. Цена зерна в Саратове была ниже, чем рыночная цена зерна в Москве, и ниже, чем цена непродовольственных товаров. Исследования показывают высокий уровень потребления продовольствия в регионе как среди рабочих, так и среди всех слоев крестьянства. Снабжение продовольствием Саратова и всего Волжского региона значительно ухудшилось после 1920 г., обострилось в 1921 г. и дошло до критической отметки в 1922 г.

Обострение ситуации началось в 1920 г., когда в регионе был собран очень низкий урожай вследствие исключительно плохой погоды и сокращения посевных площадей. Несмотря на это объем продразверстки остался на прежнем уровне. В результате в феврале 1921 г. отмечалось тридцатипроцентное по сравнению с 1920 г. снижение потребления продовольствия в крестьянских семьях (с. 346).

Именно в этот момент правительство заменило продразвертку продналогом. Пайки в городах были уменьшены, на централизованном довольствии осталась армия и рабочие промышленных центров на севере. Местный рынок был восстановлен. Одним из основных последствий этих мер было то, что в поисках продовольствия миллионы людей ринулись на рынок с его ограниченным запасом зерна. Цены стали быстро расти.

Цены на муку в Саратове начали резко увеличиваться в апреле 1921 г., а когда стало ясно, что район охвачен жестокой засухой, цены еще больше подскочили вверх. Соответственно снижалось потребление продовольствия. В апреле 1922 г. потребление продовольствия в рабочих семьях было на 30% ниже обычного (с. 366), а в крестьянских семьях в июне 1922 г. ниже наполовину по сравнению с февралем. Потребление упало бы еще более, но на помощь пришли зарубежные агентства. Они начали свою работу в октябре 1921 г. В апреле 1922 г. они распространили 0,5 млн. пайков (с. 347). Этого было достаточно, чтобы раз в день накормить четверть

населения губернии. В мае был поставлен миллион пайков, в июне и июле — 1,5 млн., что обеспечило одноразовым кормлением 60% населения губернии (с. 347). После урожая 1922 г. ситуация стала постепенно улучшаться, цены снизились, а статистика зарегистрировала резкое увеличение потребления продовольствия.

Миграция беженцев. По мнению автора, ситуация осложнилась еще и тем, что в район прибывали беженцы из разных концов страны. Многие приезжали сюда из западных районов, стремясь укрыться от наступающей немецкой армии, из районов боевых действий на Украине, Дону, Урале. Другие пытались найти здесь спасение от голода, овирепствовавшего на севере. Среди прибывших было также значительное число мешочников, бойцов продотрядов, которых направили сюда в поисках продовольствия.

Летом 1918 г. в Поволжье разразилась эпидемия холеры, занесенная из Астрахани. Власти попытались изолировать беженцев в специальном "военном городке", расположенном в пригородах Саратова. К декабрю 1918 г. в лагере находилось 9000 беженцев, 3000 из которых были больны тифом (с. 347).

Обострение ситуации о продовольствием в 1921 г. вызвало "большое бегство". Тысячи беженцев покидали Поволжье. От 1 июня 1921 г. до 1 января 1922 г. Саратовскую губернию покинули только официальным путем 104 645 человек (с. 349). Большая часть уезжала на Украину, где положение с продовольствием было более благополучное. Как утверждал доктор Черникаев, беженцы двигались пешком, входя в контакт с местным населением, еще не затронутым эпидемиями. Это вызвало новую вспышку эпидемии в районе.

В январе 1922 г. в Саратов прибывало около 200 беженцев в день (в основном из районов, охваченных голодом: Урал, Самара, Царицын). Эвакуировать удавалось только 50 человек в день (с. 348). Остальные оставались в лагерях.

Смертность среди них была очень высока: в ноябре и декабре – 500 и 700 человек на 1000, в январе и феврале – 911 и 890 человек (с. 348). Факторами, стабилизировавшими положение, были иностранная помощь и улучшение снабжения в связи с хорошим урожаем 1922 г.

Как считает Уиткрофт, причины роста смертности в районе многочисленны. В основном это инфекционные болезни – тиф, холера, дизентерия, гастроэнтерит. Вместе с тем главной причиной, стимулировавшей рост заболеваемости, был недостаток продовольствия. Улучшение положения с продовольственным обеспечением положило конец демографическому кризису, снизило уровень смертности.

М.Ф. Черныш

КОНКВЕСТ Р.
СТАТИСТИКА ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА

CONQUEST R.
Forced Labour statistics //
Soviet studies. -

Glasgow, 1982. - Vol.34, N 3. - P.434-439.

В данной статье американский историк-советолог Р.Конквест комментирует работы историков Розфильда и Уиткрофта, анализирующих динамику численности заключенных в сталинских тюрьмах и лагерях.

Колыма. Автор подвергает критике математические выкладки Розфильда, исходящие из того, что число заключенных в лагерях ежегодно увеличивалось на 210 тыс. человек (с.434), а смертность достигала 25% (с.454). Население лагерей, утверждает он, колебалось в весьма значительных пределах. Это означает, что любые усредненные данные не дают возможности получить достоверные результаты.

Автор заявляет, что, оценивая численность заключенных в сталинских лагерях, он старался разнообразить свои источники, опираясь не только на свидетельства бывших советских граждан, но и на имеющиеся статистические данные. При этом он старался избегать максимальных оценок. Например, историки Даллин и Николаевский свидетельствуют, что население Колымского лагеря увеличивалось ежегодно на

400-500 тыс. заключенных, а общая численность находившихся там в 1947 г. составляла 1,5-2 млн. (с. 434). В противоположность этой точке зрения автор ограничивается средней цифрой - 200-210 тыс. при общей численности заключенных 0,5 млн. (с. 434).

Партия. С точки зрения Р. Конквеста, заслуживают внимания выводы Бзжезинского, анализировавшего численность партии в период культа личности. Так, в январе 1934 г. партия насчитывала 2 701 008 членов и кандидатов в члены, а в январе 1939 г. - 2 306 973 (с. 435). Если учесть, что в 1937-1938 гг. в партию вступило 410 тыс. новых членов, потери КПСС в этот период достигли 800 тыс., а в сравнении с 1933 г. (3 555 338 - 1 451 000 человек) (с. 435).

Аналогичные выводы позволяет сделать анализ изменения численности партийных организаций в г. Белый Смоленской области, в Киргизской ССР и Ленинградской области.

И еще одна возможная линия аргументации. В январе 1934 г. общая численность членов и кандидатов в члены КПСС составляла 2 701 008 (с. 435). В 1939 г. подавляющее большинство этих людей должно было стать членами партии. Даже если не учитывать вступивших в КПСС позднее, общая численность партии сократилась на 1 186 827, а по сравнению с 1933 г. - на 2 млн. (с. 435). Даже если принять во внимание естественную убыль, - это огромные цифры. Автор считает, что нельзя не прислушаться к мнению академика А. Сахарова, утверждавшего, что с 1936 по 1939 г. были арестованы 1,2 млн. членов партии. Из них лишь 50 тыс. вышли на свободу.

Население тюрем и лагерей. Автор утверждает, что перепись населения 1939 г. является фальшивкой. Подлинные данные, отражающие динамику численности населения СССР, были закрыты, а руководитель исследования Квиткин и другие - репрессированы. Сегодня советские демографы часто осыла-

стоя на цифры 1937 г. и редко на данные 1936, 1938 и 1939 гг. Если сравнить 1937 г. (население 163-164 млн.) и 1939 г. (население 167-168 млн.), получаем потери в 2-3 млн. человек (с. 436). Уже это свидетельствует о масштабах репрессий. Причина, по которой Сталин хотел получить цифру 170 млн. человек, ясна. Эта цифра фигурировала в официальных документах о 1934 г. и должна была свидетельствовать, как заявил Молотов, о "гигантском росте населения, показывающем жизненные силы советского строительства" (с. 436).

Помимо чисто статистических методов возможны и другие, более основательные и достоверные. Так, если взять за основу число мест в тюрьмах в 1927 г. и умножить его на процент переполнения в 1937-1938 г., то можно с известной степенью точности получить данные о числе заключенных в этот период. Эта цифра будет колебаться от 0,5 млн. до 1,5 млн. человек (с. 436). Наиболее вероятной представляется цифра в 1 млн. заключенных (с. 436), однако только при условии, что в этот период не было строительства новых тюрем и расширения старых. Известно, однако, что в это время в провинции власти использовали в качестве тюрем большие крытые сверху земляные карьеры, гаражи и т.д. В ответе подобных свидетельств, утверждает автор, цифра в 1 млн. выглядит очень скромной. Заключенных вполне могло быть в 2 раза больше,

Если принять за основу цифру в 1 млн. человек, то, зная среднюю продолжительность пребывания заключенных в тюрьмах перед отправкой в лагерь, можно высчитать население Гулага. В соответствии с данной методикой оно увеличилось за два года на 6-8 млн. человек (с. 437). И это, видимо, весьма заниженные данные, так как длительность пребывания арестованных в провинциальных тюрьмах была меньшей по сравнению с Москвой, на которой базируются наши расчеты.

Автор предлагает еще один метод исчисления населения лагерей. По некоторым данным, в районах, где располагались лагеря, были арестованы 5,5% населения (с. 437). Нет основания полагать, что это искаженные данные. Вряд ли НКВД стремился зависить число репрессированных. Более логично предположить, что эта организация стремилась скрыть масштабы злодеяний. Именно с этой целью политических заключенных (за весьма редким исключением) помещали вместе с уголовниками.

Никак нельзя согласиться, считает автор, и с утверждением Уиткрофта о том, что в 1934-1941 гг. Воркутинские лагеря имели только от 16 до 20 тыс. заключенных (с.437). Возможно, некоторые используемые им самиздатовские источники допустили ошибку.

Также вызывает возражение и утверждение, что наибольшее число арестованных пришлось на городское население. Совершенно ясно, что в результате чисток 1937-1938 гг. бюрократия пострадала больше, чем крестьянство. В то же время крестьянство понесло большие потери, чем пролетариат. К этому можно добавить, что советская статистика реабилитировала перепись 1937 г. В результате изменились данные в сборнике "Народное хозяйство в СССР". Рабочих и служащих в 1937 г. стало больше на 11% (с. 437). (Социальное положение заключенных определялось в соответствии с работой в лагерях). В то же время другие разделы сборника показывают, что занятость в промышленности и других отраслях народного хозяйства в этот период не увеличилась.

Автору представляются сомнительными попытки определить численность заключенных, высчитывая капиталовложения на каждого рабочего. Труд заключенных нередко использовался там, где и речи не было ни о каких капиталовложениях. (В то же время можно дать приблизительные оценки населения Беломорканала по количеству вынутых кубометров земли).

Казни. Одно из свидетельств приводится в книге "Голубой террор". Международная медицинская комиссия обнаружила под Винницей захоронение 9 тыс. расстрелянных в 1938 г. (с. 438). Даже если предположить, что это единственное такое захоронение в области с населением 1 млн. человек, то число расстрелянных по стране в целом составит по самым скромным подсчетам также 1 млн. (с. 438). Любая меньшая цифра выглядела бы нереальной. Далее, если взять за основу достоверные данные Бжезинского о том, что высшая мера выносилась одному из десяти арестованных, получаем 9 млн. заключенных в лагерях (с. 438). Но и эта цифра, считает автор, представляется скромной в свете утверждения А. Сахарова о 600 тыс. казненных в период 1937-1938 гг. партийных работников.

Таким образом, хотя имеющиеся в наличии демографические данные не дают возможности точно вычислить население Гулага, другие косвенные методы неопровержимо свидетельствуют о повышении смертности в этот период. Любые попытки доказать обратное, утверждает Конный, противоречат истине и выглядят несостоятельно с научной точки зрения.

М.Ф. Черныш

УИТКРОФТ С.Г.
К ВОПРОСУ ОБ АНАЛИЗЕ СОВЕТСКОЙ СТАТИСТИКИ
ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА

WHEATCROFT S.G.

Towards a thorough analysis
of Soviet forced labour statistics //
Soviet studies. -

Glasgow, 1983. - Vol.35, N 2. - P.223-237.

Реферлируемая статья английского историка С. Уиткрофта (Бирмингемский ун-т) представляет собой полемическую работу, направленную против методики, подсчетов и оценок, содержащихся в исследованиях одного из старейших советологов Роберта Конквеста. Статья состоит из введения, трех разделов, заключения и двух статистических приложений.

Во введении, формулируя цель своей работы, С. Уиткрофт пишет: "В этой статье мне хотелось бы ответить на критические замечания, выказанные Конквестом о моих исследованиях, а также проанализировать его собственные аргументы по вопросу о размерах принудительного труда в концентрационных лагерях. Пользуясь случаем, мне хотелось бы дополнить свою статью "Об оценке размеров принудительного труда в концентрационных лагерях Советского Союза. 1931-1956 гг." материалами, собранными мной в американских архивах за время, истекшее после ее публикации" (с. 223).

В первом разделе статьи "Критика Конквестом моих подсчетов населения лагерей" автор выступает в защиту источниковой базы своих исследований. Он подчеркивает, что отказ Р. Конквеста от использования материалов переписи 1939 г. с научной точки зрения необоснован. Перепись СССР 1939 г. "не содержит серьезных искажений" (с. 223), однако исследователям необходимо принять во внимание то обстоятельство, что численность армейских подразделений и исправительных лагерей фиксировалась не в тех регионах, где они располагались, а там, где проходил набор военно-служащих или аресты будущих заключенных (с. 233). Даже если предположить, продолжает далее автор, что перепись 1939 г. преувеличивает подлинный уровень населения СССР на 2-3 млн., а количество рабочих в концентрационных лагерях составляет 9-10 млн. человек (как это утверждает Р. Конквест), то с точки зрения законов демографии трудно совместить количество всего населения СССР 1939 г. (167-168 млн. человек) с количеством заключенных в концентрационных лагерях (9-10 млн. человек) (с. 223-224). С. Уиткрофт отмечает также, что материалы переписи 1939 г. "широко использовались большинством западных демографов, включая Лориме" (с. 223).

Рассматривая спорный вопрос о категориях населения, лишенных избирательских прав в СССР в конце 30-х годов, автор реферируемой статьи утверждает, что Р. Конквест необоснованно завышает количественный показатель этих групп населения с 4,7 млн. человек (данные Уиткрофта - Реф.) до 17,6. При этом Р. Конквест ссылается на непроверенный им источник, звуковой документ, использованный в одной из передач радиостанции "Свобода". Как выяснил С. Уиткрофт, разница между данными, приведенными в передаче радио "Свобода", и его собственными калькуляциями объясняется ошибкой, допущенной одним из сотрудников радиостанции "Свобода" (с. 224). Таким образом, несмотря на

критические выпады со стороны Р. Конквеста, можно утверждать, что вывод, к которому пришел С. Уиткрофт в своей предыдущей работе — "максимальное количество заключенных в концентрационных лагерях СССР в 1939 г. составляет 4-5 млн. человек" — остается неизблемым (с. 224).

Во втором разделе статьи "Подсчеты Конквестом населения лагерей" автор прежде всего исследует вопрос об исчислении населения лагерей на основе данных о наполняемости тюрем и соотношении между количеством заключенных в тюрьмах и трудовых лагерях. Аргументы Р. Конквеста покоятся на двух предположениях: 1) в 1937 и 1938 гг. кроме заключенных в трудовых лагерях по крайней мере еще один миллион человек находилоя в тюрьмах; 2) за весь период содержания под стражей эти заключенные в среднем содержались в тюрьме только 3-4 месяца, после чего переводились в трудовые лагеря (с. 224).

С. Уиткрофт подробно рассматривает первое предположение, выдвинутое Р. Конквестом. Это предположение, пишет он, в свою очередь опирается еще на одно предположение: "в тюрьмах в 1937 и 1938 гг. содержалось больше заключенных, чем в мае 1933 г., когда появилась секретная директива Сталина-Молотова, определявшая количество содержащихся под стражей равное 800 тыс. человек" (с. 224). Это предположение представляется сомнительным С. Уиткрофту, и он выдвигает ряд контраргументов.

Во-первых, в мае 1933 г. закончился период массовых репрессий, которые по своим масштабам значительно превосходили репрессии 1937 г. На это указывают документы Смоленского архива ВКП(б) (Архив находится в США — Реф.). Об этом же свидетельствует и анализ упомянутой секретной директивы (май 1933 г.), где, в частности, отмечается, что акты массовых репрессий были "необходимы" в сельской местности в последние три года как средство борьбы с саботажем, поджогами и террористическими актами, направлен-

ными против колхозных активистов (с. 225). В директиве признается, что акты репрессий "затронули, как известно, не только кулаков, но и крестьян-единоличников, а также колхозное крестьянство", однако "страх перед обнищанием, и голодом толкает крестьян-единоличников в колхозы" и, следовательно, создается реальная возможность "прекратить применение массовых высылки и грубых форм репрессий в деревне" (с. 225). В преамбуле этого документа выражается сожаление о том, что "многие товарищи в областях и краях не понимают новой обстановки и продолжают жить по-старому" (с. 225).

Таким образом, констатирует С. Уиткрофт, тюрьмы были переполнены. Местные власти в атмосфере массовых репрессий и борьбы с кулачеством продолжали арестовывать людей. Поэтому утверждения Р. Конквеста о том, что количество заключенных в 1937 г. превышало (или равнялось) количество лиц, находившихся под стражей после массовых репрессий в деревне в 1929-1933 гг., беспочвенны (с.225).

Во-вторых, к маю 1933 г. в тюрьмах, очевидно, содержалось большое количество осужденных, приговоренных к многолетним срокам отбывания наказания, которые, однако, по разным причинам не переводились в трудовые лагеря и не направлялись в ссылку (с. 224-225). Это положение автор статьи подкрепляет данными источников. В указанной директиве Сталина-Молотова, в частности, подчеркивается, что "осужденные, которые были приговорены к трем-, пятилетним срокам отбывания наказания, должны переводиться из тюрем в трудовые поселения (колонии) ОГПУ", а осужденные, "приговоренные более чем к пятилетним срокам заключения, должны направляться в лагеря ОГПУ" (с.225). В директиве под заключенными подразумевается прежде всего кулачество. "Кулаки, - как отмечается в этом документе, - осужденные к трем-, пятилетним срокам отбывания наказания должны направляться в трудовые поселения вместе со всеми зависящими от них людьми" (с. 225).

К 1937 г. положение вещей в области внутренней политики, несомненно, переменилось. Отчасти это произошло из-за реализации директивных установок Сталина-Молотова 1933 г., отчасти потому, что все тюрьмы и лагеря в 1934 г. были объединены во Всесоюзную систему НКВД. Очевидно, что только после 1934 г. тюрьмы были более-менее очищены от лиц, получивших по суду длительные сроки отбывания на казания (с. 225).

Таким образом, аргументы Р. Конквеста в пользу того, что количество заключенных в тюрьмах в 1937 и 1938 гг. составляло 1 млн. человек, С. Уиткрофт считает необоснованными (с. 226).

Уиткрофт подвергает критике также второе предположение, выдвинутое Р. Конквестом, предположение о том, что в 1937-1938 гг. время пребывания в тюрьме заключенных в среднем равнялось 3 - 4 месяцам. Биографии политических узников (в частности, Евгении Гинзбург и Элинор Липпер) свидетельствуют о том, что они находились в тюремном заключении значительно более длительное время (с. 226).

Далее, на основе статистических данных о членстве в ВКП(б), в реферируемой статье рассматривается вопрос об арестах в самой партии.

Автор, опираясь на советские и зарубежные источники, приводит следующую статистическую таблицу (с. 227).

Таблица I.
Количественный состав ВКП(б) в тысячах
(на 1 января)

Год	Члены ВКП(б)	Кандидаты в члены ВКП(б)	Всего
1	2	3	4
1928	914	392	1304
1929	1091	445	1536 *)
1930	1185	493	1678
1931	1369	843	2212

80 *) В подсчетах допущена ошибка.

I	2	3	4
1932	1770	1347	3117
1933	2204	1351	3555
1934	1827	874	2701
1935	1659	700	2359
1936	1490	587	2077
1937	1454	528	1982
1938	1406	514	1920
1939	1514	793	2307
1940	1983	1417	3400
1941	2490	1382	3872

Р. Конквест утверждает, что цифры, приведенные в этой таблице, указывают на то, что количество арестованных членов ВКП(б) составило, по крайней мере, 1 млн. человек. Его утверждение согласуется с заявлением Сахарова: "Только за период с 1936 по 1939 г. более чем 1,2 млн. членов партии были арестованы" (с. 226). Однако, по мнению автора, эти утверждения выдерживают критику только в том случае, если перенести исходную точку сравнения с 1936 г. к 1933 г., а затем допустить следующие предположения:

1) кандидаты в члены ВКП(б) или становились членами ВКП(б) в течение трех лет, или оставляли партию; 2) большинство кандидатов в члены ВКП(б) или членов ВКП(б), которые оставили парторганизации, были арестованы; по мнению Р. Конквеста, количество таких арестованных составило 75% (с. 227).

Как пишет С. Уиткрофт, все эти утверждения лишены оснований. Несомненно, что в период с июня 1933 по январь 1937 г. имели место ограничения при пополнении рядов ВКП(б). В 1937 г. в партию было принято всего 83 тыс. человек. Из 1,3 млн. человек, которые оставили партию в ходе партийных чисток (июнь 1933 - май 1935 г.), только

613 тыс. человек были исключены; 256 тыс. - переведены в разряд сочувствующих и 469 тыс. (из тех, кто был внесен в списки в июне 1933 г.) - просто побоялись предстать перед партийными комиссиями и, следовательно, как неявившиеся, были вынуждены оставить партию (с. 227). Лишь меньшинство из тех, кто был исключен в тот период из партии, повинны в принадлежности к политическим уклонам; большинство же было обвинено в моральной неустойчивости, пьянстве, политической неграмотности. Основная причина исключения из рядов ВКП(б), очевидно, заключалась в апатии и некомпетентности большей части партийцев (с. 227).

В ходе следовавших кампаний проверки партийных документов (май 1935 - апрель 1936 г.) и обмена партийных документов (апрель - сентябрь 1936 г.) из партии было исключено еще почти 261 тыс. человек, но позднее около 167 тыс. человек восстановили свое членство в ВКП(б). В самое ужасное время, "ежовщины", в период между октябрем 1936 и декабрем 1937 гг. из партии было исключено почти 108 тыс. человек, из которых впоследствии, однако, 46 тыс. были восстановлены. В 1938 г. количество исключенных из партии составило 81 тыс. человек, а количество восстановленных неизвестно. Следовательно, в период с мая 1935 по январь 1939 г. из ВКП(б) было исключено (без последующего восстановления) около 200-240 тыс. человек, и можно предполагать, что многие из них были арестованы. Однако нет достаточных оснований для утверждения, будто все, кто добровольно вышел из ВКП(б) или кто был переведен в разряд сочувствующих, затем подвергались арестам. Поэтому утверждение Р. Конквеста об аресте 1-1,2 млн. членов ВКП(б) весьма сомнительно (с. 227).

В следующем разделе работы С. Уиткрофт рассматривает вопрос о количестве заключенных, работавших в лагерях на Колыме. Этот вопрос решается посредством учета морских транспортов, прибывавших ежегодно в бухту Нагаево, и учета среднего количества заключенных, доставляемых за

каждый рейс. По расчетам Р. Конквиста, в Нагаево приходило 5 кораблей, каждый из которых привозил по 4 тыс. заключенных и совершал IО–II рейсов за навигацию. Таким образом, ежегодно на Колыму доставлялось 200–220 тыс. заключенных. В 1938 г. количество заключенных, доставленных на Колыму, по расчетам Конквиста, составило 300 тыс. человек (6 кораблей по 5 тыс. заключенных и по IО рейсов) (с. 228).

Иной подсчет произведен в работе Даллина и Николаевского, опубликованный в 1948 г. "Глухой" советский источник 1946 г., на который ссылаются эти авторы, позволяет говорить о четырех кораблях, привозивших по 6–9 тыс. заключенных и совершавших по I2–I5 рейсов за навигацию, т.е. привозивших ежегодно на Колыму 288–540 тыс. человек. Однако с учетом поправок, сделанных Даллиным и Николаевским, более достоверной следует считать цифру 400–500 тыс. человек. Именно такое количество заключенных, по-видимому, ежегодно доставлялось на Колыму. По утверждению С. Уиткрофта, расчеты Р. Конквиста мало что добавляют к калькуляциям Даллина и Николаевского (с. 228).

Дискуссионным, по мнению автора статьи, является и вопрос об исключении населения лагерей исходя из данных о количестве казненных в годы сталинизма людей. В этой связи Р. Конквист полагает, что 9 тыс. трупов, найденных в Виннице в 1943 г., свидетельствуют о том, что в СССР в 1938 г. было казнено I млн. человек (с. 228). Его подсчет, как отмечает С. Уиткрофт, основывается на трех предположениях: I) все казненные в Виннице, как установила международная медицинская комиссия, погибли в 1938 г.; 2) столько же человек было казнено в то время и в любой другой области СССР; 3) из всего количества осужденных, как показал опрос Бжезинским эмигрантов из СССР, IО–II% были приговорены к смертной казни и казнены (с. 228).

"И ничего не могу сказать в отношении первого предположения, но второе и третье предположения кажутся мне совершенно неправильными", — пишет С. Уиткрофт. "Насколько типичной была обстановка в Виннице? — спрашивает он. — И можно ли переносить ситуацию, имевшую место в Виннице, на любую другую область СССР?" (с. 229). Для опровержения предположений, выдвинутых Р. Конквестом, С. Уиткрофт ссылается на фрагмент из документального романа А. Солженицына "Архипелаг Гулаг": "В 1938 г. некоторым начальникам очень хотелось пострелять! И они стреляли, сколько могли, во всех лагерях, но больше всего на Колыме ("Гаранинский" расстрел) и в Воркуте ("Кашкетинский" расстрел)". "Ни Солженицын, ни Даллин, ни Николаевский не подчитывали число убитых Гараниным, но все они согласны в том, что Кашкетин расстрелял 1—3 тыс. "троцкистов", — отмечает С. Уиткрофт (с. 229). Учитывая, что Солженицын воспринимает расстрел на Колыме и в Воркуте как экстремальные явления, трудно предположить, что во всех остальных районах СССР количество казненных приближалось к 9 тыс. Следовательно, ситуация в Виннице является нетипичной: многие из приговоренных к смерти позднее были помилованы (с. 229).

Значительное место в статье занимает вопрос об исчислении "избыточной смертности" населения исходя из данных демографии. Р. Конквест, обращая внимание на различия в количественном соотношении мужчин и женщин в СССР, отраженные в переписи 1959 г., в своей книге "Большой террор" пишет: "Нехватка миллионов жизней мужчин старшего поколения настолько велика, что ее нельзя замаскировать. Используя материалы переписей населения СССР 1926 и 1959 гг. автор приводит таблицу возрастов населения СССР в период 1914—1959 гг. (с. 230), а также составляет таблицу, показывающую количественное соотношение между мужчинами и женщинами в СССР (с. 230). Эта таблица с некоторыми сокращениями приводится ниже.

Таблица 2

Количество мужчин, приходящихся на I тыс. женщин

Год рождения	По переписи 1926 г.	По переписи 1959 г.	Фактическое соотношение, %	Ожидаемое соотношение, %
1920-1924	1002	641	36,0	35,8
1915-1919	1024	624	39,2	
1910-1914	979	623	36,4	
1905-1909	931	623	33,1	
1900-1904	851	502	41,0	
1895-1900	878	540	38,5	
1890-1894	900	533	40,8	
1880-1889	955	487	49,0	
1870-1879	868	417	52,0	

Анализируя статистические данные этой таблицы, С. Уиткрофт подчеркивает, что диспропорции в соотношении населения СССР для людей 1905-1920 гг. рождения объясняются влиянием Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (с. 230). Что касается населения 1870-1900 гг. рождения, то процентное соотношение между мужчинами и женщинами этого возраста соответствует естественному процессу старения. Необъяснимой в этой таблице кажется поначалу лишь диспропорция для населения 1900-1904 гг. рождения, т.е. для людей, которым в конце 30-х годов было 35-39 лет. Эту диспропорцию можно объяснить, учитывая казни и влияние концентрационных лагерей, т.е. учитывая распресии 30-х годов. Для категории населения 1900-1904 гг. рождения можно определить не только фактический процентный показатель соотношения мужчин и женщин (41,0%), но и теоретически ожидаемый показатель, который равен среднему арифметическому двух смежных с ним показателей (33,1 и 38,5%, т.е. 35,8%). Следовательно, избыточная смертность для этой ка-

тегории населения составляет (41,0% - 35,8%): 5,2%, а в пересчете на души населения - 310 тыс. человек (с. 231).

"Если мы прибавим к этой возрастной категории людей более старых и более молодых, а также женщин, - пишет в заключение раздела С. Уиткрофт, - то количество избыточных смертей может возрасти до 1 млн., но все же оно будет значительно меньше, чем 12 млн., о которых ведет речь в своих работах Р. Конквест" (с. 231).

В третьем разделе статьи "Материалы о Советских трудовых лагерях в американских архивах" С. Уиткрофт сравнивает источники, дающие возможность судить о советских исправительно-трудовых лагерях. Кроме работ Р. Конквеста и С. Розфильда, данные о советских лагерях содержатся в архиве госдепартамента США (материалы разведки и исследовательского бюро). Чтобы наглядно продемонстрировать различия, существующие в оценках размеров принудительного труда в СССР в 50-х годах, С. Уиткрофт приводит следующую таблицу (с. 232).

Таблица 3

Данные о количестве заключенных в СССР (в млн. чел.)

Год	Данные госдепартамента США			Данные Розфильда	Данные Конквеста
	Максимум	Минимум	Остальное население, лишенное права голоса		
1950				12-15	12-14
1951			3,8-4,3		
1952	4,8			10-12	
1953	4,6	3,0			
1954	3,5		2,3-2,8	8	
1955	3,0				
1956	2,2			6	
1957		0,8-0,9		4	
1958					
1959			1,0-1,5	4	

В заключение статьи автор указывает, что важная комплексная проблема исчисления размеров принудительного труда в СССР требует от исследователей тщательного ее изучения. Р. Конквест и С. Розфилд в своих работах, очевидно, завышают показатели принудительного труда в СССР. "Критика Конквестом моих расчетов неубедительна, а его собственные подсчеты несовершенны и ненадежны, — утверждает С. Уиткрофт. — Дополнительный материал из архивов США подтверждает эту точку зрения" (с. 233).

Статья С. Уиткрофта имеет два приложения в виде статистических таблиц. Приложение I: Изменения в количественном составе ВКП(б) за 1933—39 гг. (с. 235). Приложение 2: Данные госдепартамента США, разведки и исследовательского бюро о размерах принудительного труда в СССР в 50-х годах (с. 236—237).

А.В. Савельев

РОЗФИЛЬД С.
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
И ПОПУЛЯЦИОННЫЕ КАТАСТРОФЫ В СССР.
ВОЗРАЖЕНИЕ БАРБАРЕ АНДЕРСОН И БРАЯНУ СИЛЬВЕРУ

ROSEFIELDE S.

Demographic analysis

and population catastrophes in the USSR:

A rejoinder to Barbara Anderson and Brian Silver //

Slevic rev. -

L., 1983. - N 3. - P.298-306.

В реферируемой статье, свидетельствующей о продолжающейся в англоамериканской советологии дискуссии по проблеме "демографических катастроф" в СССР, С. Розфильд подвергает критике методику подсчета и научные выводы американских демографов Б. Андерсон и Б. Сильвера.

Б. Андерсон и Б. Сильвер, работы которых, по мнению автора статьи, базируются на позитивистской методологии (с. 300), неоднозначно оценивают имеющуюся литературу по исследуемой проблеме. Они осуждают подсчеты, представленные в работах Фешбах, Исона, Розфильда, Конквеста, Антонова-Овсеевко, Максудова, Мейса и Дядкина; однако подсчеты, сделанные Лориме и Уиткрофтом, вызывают их одобрение (с. 300). По мнению автора, американские демографы в своих исследованиях "пытаются оправдать тот человеческий и материальный ущерб, к которому привела насильственная ин-

дустриализация, проводимая при Сталине", они "не верят в то, что коллективизация, террор и Гулаг явились причиной смерти многих миллионов советских граждан; они не верят и в то, что количество заключенных в Гулаге людей было необычайно велико в 1930-е годы" (с. 300).

С. Розфильд оценивает эти выводы как "явное предубеждение, поскольку Б. Андерсон и Б. Сильвер не потрудились даже принять во внимание все сильные и слабые стороны тех подсчетов, которые привели к дискуссии. К примеру, они даже не попытались показать, что критическая выверка переписи населения СССР в 1926-1927 гг., лежащая в основе подсчетов Лориме и Уиткрофта, с научной точки зрения достоверна. Критика американскими демографами подсчетов С. Розфильда, имеющих отношение к коллективизации, исправительно-трудовым лагерям и избыточной смертности населения от террора, свидетельствует об их "одностороннем подходе" и "поверхностности" (с. 301).

Характеризуя свой вклад в разработку дискуссионной историко-демографической проблемы, С. Розфильд отмечает: "В ряде статей я показал, что в период с января 1929 по январь 1939 г. избыточная смертность населения в СССР составляла на 3,5-15 млн. человек больше, чем было подсчитано ранее Лориме. Методологически и концептуально мои подсчеты идентичны подсчетам Лориме, различия между ними малосущественны. В частности, я заменил довоенные показатели рождаемости и смертности у Лориме на более совершенные послевоенные показатели и произвел выверку разрядов смертности по переписи 1926-1927 гг. в соответствии с подсчетами Эноли Коула. К тому же я не только принял во внимание показатели переписи СССР 1939 г., но и расширил свои подсчеты, включив туда данные переписи населения СССР 1937 г., о которых информирует Антонов-Овсеенко. Подсчеты, произведенные на основании этих данных, отражают официальные документы с одним определенным и одним

возможным исключением. Выверка данных, произведенная Э.Коулом, сокращает официально принятые показатели избыточной смертности на 1,5 млн. человек, а запрещенная статистика населения СССР 1937 г. не может быть независимо подтверждена" (с. 301-302). С сожалением автор статьи констатирует, что "существенные достоинства такого подхода" не обсуждаются американскими демографами, а его подчеты объявляются ими порочными (С.302).

"Поднимая вопрос об объективности подсчетов, - развивает свою аргументацию далее С. Розфильд, - Б. Андерсон и Б. Сильвер хотели обратить внимание на то обстоятельство, что последовавший вслед за коллективизацией и террором хаос отразился и в области демографии, а потому к статистическим данным о рождаемости в СССР нужно относиться с недоверием. Такой совет приемлем", - соглашается автор (с. 302). Однако при этом американские демографы не принимают в расчет двух важных обстоятельств. "Во-первых, как показывает исследование Розы Сифман, отрицательные последствия демографических катастроф часто компенсируются выверками рождаемости. К примеру, из работы Р. Сифман следует, что, хотя рождаемость в период 1930-1934 гг. снижалась, ее снижение было менее быстрым, чем ожидалось в соответствии с тенденцией, определяемой теорией¹⁾. Поэтому утверждение Б. Андерсона и Б. Сильвера о том, что официальные данные о рождаемости на 1932 и 1935 гг. (которые значительно ниже показателей в монографии Р. Сифман) существенно преувеличены, кажется неразумным. Во-вторых, доказанный Урланисом факт, свидетельствующий, что население СССР в 1933 г. насчитывало 158 млн. человек (а не 165,7 млн. человек, как утверждал в одном из своих докладов И.В. Сталин), и аналогичные подчеты, произведенные Ван Ден Бергом

¹⁾ Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР: (По материалам выборочных исследований). - М., 1974. - С. 43.

на основании данных Герцензона и Шляпочникова, указывают со всей очевидностью на то, что и в начале 1930-х годов в Советском Союзе выполнялись статистические исследования, вполне заслуживающие доверия, хотя и не публиковавшиеся в то время вследствие трудности их политической интерпретации" (с. 302-303). "Таким образом, можно заключить, — констатирует С. Розфильд, — что, несмотря на нанесенный советской статистике в те годы ущерб, советские данные о рождаемости являются более достоверными, чем предполагает кое-кто" (с. 303).

"Что касается моих последних статистических подсчетов, — продолжает С. Розфильд, — то они в еще большей степени признаются негодными Б. Андерсон и Б. Сильвером, поскольку я, как и Роберт Конквест, полагаю, что перепись населения СССР 1939 г. была мошеннической по своему характеру, и поэтому я производил подсчеты избыточной смертности исходя из предположения, что статистика переписи населения СССР 1937 г., опубликованная А. Антоновым-Овсеенко, должна быть более точной" (с. 303). Б. Андерсон и Б. Сильвер в свою очередь не верят в достоверность цифр, приводимых А. Антоновым-Овсеенко, а следовательно, не доверяют и основанным на этих цифрах подсчетам С. Розфильда. "Однако, — пишет далее автор реферируемой статьи, — внимательное прочтение книги А. Антонова-Овсеенко "Портрет тирана" приводит к выводу, что ее документальный материал, в основе которого лежит личный опыт автора, достоверен. Это вовсе не означает, что все, о чем идет в этой книге речь, абсолютно точно; это означает лишь то, что не следует игнорировать такие ценные свидетельства, особенно если принять во внимание факт регистрации в переписи населения СССР 1939 г. 1-2,5 млн. "мертвых душ" — факт, признанный даже С. Уиткрофтом" (с. 303).

Продолжая характеристику взглядов своих американских оппонентов, С. Розфильд подчеркивает, что они не только отвергают его подсчеты избыточной смертности населения

СССР, базирующиеся как на основе официальных данных советской переписи, так и на основе подсчетов, не связанных с переписью и сделанных в конце 20-х годов, но и предлагают исправить допущенные ранее ошибки. По мнению Б. Андерсона и Б. Сильвера, показатель избыточной смертности населения СССР (10,5 млн. человек), вычисленный на основании официальной статистики, следует сократить по крайней мере до 5,5 млн. человек, а, может быть, уменьшить и в еще большей степени (с. 303).

Комментируя эту корректировку в демографических расчетах, С. Розфильд пишет: "В такой серьезной дискуссии, как наша, нельзя основывать свои выверки только на авторитете Лориме, поскольку ясно, что его произвольные подсчеты основывались на субъективной оценке возможных последствий сталинизма. К тому же вполне естественно, что в 40-х годах, имея в своем распоряжении крайне ограниченные источники информации, Лориме был вынужден объяснить почти половину избыточных смертей в СССР наличием неточностей в статистических подсчетах; однако мы, оценивая проблему с позиций достижений современной науки, не обязаны разделять его оптимизм. Как я уже отмечал, советские демографы и раньше знали о подсчетах Лориме, но они не имели возможности противопоставить им свои собственные суждения об уровне смертности, наблюдавшейся в конце 20-х годов. Б. Андерсон и Б. Сильвер считают, что во всех упреках относительно их выверок не видно логики, однако мы полагаем, что в этом вопросе они сами хватаются за соломинку. С одной стороны, они не в состоянии доказать достоверность произвольных подсчетов Лориме, с другой — они не могут логично обвинить меня за несогласие с ними в вопросе о беспристрастности подходов к статистическому анализу, провозглашенному ими" (с. 303-304).

Отметив далее, что возражения Б. Андерсона и Б. Сильвера, относящиеся к его подсчетам избыточной смертности населения СССР 40-х годов, несущественны (с. 304), С. Роз-

фильд продолжает достаточно сумбурно критиковать работы американских демографов.

В частности, он вновь возвращается к утверждению Б.Андерсон и Б.Сильвера о том, будто "нет оснований верить в то, что "катастрофы" 30-х годов, явившиеся следствием коллективизации и голода, привели к смерти многих миллионов советских людей, равно как нет оснований верить и в подсчеты С. Розфильда, оценивающие демографические последствия террора и Гулага" (с. 305). "Мои подсчеты избыточной смертности взрослого населения СССР в период 1927-1939 гг., основанные на переписи 1939 г., сокращаются пропорционально параметрам, установленным их (Б. Андерсон и Б. Сильвером. - Реф.) точными вычислениями, - возражает в этой связи С. Розфильд. - Следовательно, несоответствие между нашими оценками демографических катастроф в СССР объясняется не техническими недостатками моих калькуляций, а различием в предпосылках" (с. 305).

Далее автор статьи подчеркивает безосновательную веру американских демографов в то, что "десятки миллионов избыточных смертей в СССР в период 1940-1949 гг., зарегистрированных советской статистикой и не связанных с влиянием войны, можно объяснить статистическими ошибками" (с. 305). Недовольство С. Розфильда вызывает и доверчивость его американских оппонентов к переписи населения СССР 1939 г., а также к "произвольным" подсчетам Лориме (с. 305). "Если бы эти предположения были верны, - констатирует автор, - то это означало бы, что большую часть избыточных смертей населения СССР при Сталине следует объяснять влиянием войны, а меньшую часть отнести на счет Гулага и террористических действий. И наоборот, если отвергнуть, как я предлагаю, эти предположения, то моя интерпретация демографических катастроф, явившихся волею за коллективизацией, голодом и террором, окажется верной (с. 305-306).

В заключение автор статьи указывает, что полемика о демографических последствиях сталинизма не может быть сведена лишь к вопросу о методике или технических ошибках; эта полемика зависит от оценки "катастрофического потенциала сталинской политики" и от критически осмысленной статистики, имеющей отношение к этой политике (с.306).

А.В. Савельев

АНДЕРСОН Б.А., СИЛЬБЕР Б.Д.
ВОПРОСЫ РАВНОПРАВИА, ЭФФЕКТИВНОСТИ
И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
В СОВЕТСКОЙ ДВУЯЗЫЧНОЙ ПОЛИТИКЕ В
СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ, 1934-1980 гг.

ANDERSON B.A., SILVER B.D.

Quality, efficiency and politics
in Soviet bilingual education policy, 1934-1980 //
Amer. polit. science rev. -
Wash.; 1984. - Vol.78, N 4. - P.1019-1038.

Сфера языковой жизни в многонациональном Советском Союзе традиционно привлекала и продолжает привлекать в настоящее время внимание буржуазных специалистов. Объектом повышенного исследовательского интереса является, как правило, проблема родного языка этнических групп в СССР, его место и роль в советской системе двуязычного образования. Данная работа американских ученых Б. Андерсон и Б.Сильвера является попыткой осмыслить один из аспектов национально-языковой проблемы в СССР.

С учетом нового банка данных по использованию языков различных национальностей в начальных и средних школах союзных и автономных республик Союза ССР предлагается несколько иной подход к рассмотрению проблемы преподава-

ния на родном языке. В статье описывается двуязычная политика, проводимая государством в области образования, но имеющая различия по регионам в зависимости от таких факторов, как численность этнического населения, географическая концентрация и политический статус данной республики, области или округа.

Как никакой другой аспект языковой политики, обеспечение преподавания на родном языке отражает обязательства правительства по поддержанию этнического и языкового разнообразия. Иными словами, изучив тенденции преподавания на национальных языках с 1934 по 1980 г., авторы настоящей статьи избрали в качестве предмета исследования место и роль родного языка в системе школьного обучения.

Несмотря на большой опыт проведения в жизнь Советским государством двуязычной политики в сфере образования, Б. Андерсон и Б. Сильвер отмечают слабую его изученность западными учеными в силу того, что не оказывалось должного внимания вопросам преподавания на языках этнических групп, а главное, вследствие отсутствия систематических данных в этой области (с. 1019).

Обращает на себя внимание нетрадиционный взгляд Б. Андерсона и Б. Сильвера на советскую политику двуязычия. С одной стороны, большинство буржуазных советологов расценивают советскую образовательную политику, как политику, направленную на русификацию детей других национальностей. По мнению автора статьи, это утверждение не совсем объективно отражает положение дел в СССР. С другой стороны, советская официальная доктрина, закреплённая в таких документах, как Конституция СССР и Программа КПСС, постоянно поддерживает мнение, что все языки в СССР имеют равные права, что также не в полной мере соответствует действительности (с. 1020).

Говоря о языковой политике Советского государства, авторы отмечают, что сразу же после Октябрьской революции 1917 г. правительство приняло программу, согласно ко-

торой предусматривалось получение образования детьми различных национальностей в светской школе, и языком обучения должен был быть родной язык. С этой целью была организована специальная секция Комиссариата просвещения, ответственная за развитие школ с родным языком обучения, учрежденная 31 октября 1918 г. Декретом Совета Народных Комиссаров (с. 1020).

В ходе национально-языкового строительства в 20-30-е годы во всех больших и малых национальных республиках и областях действовали национальные школы, а с середины 30-х годов были повсеместно открыты школы с преподаванием на родном языке. Иллюстрацией к такому положению вещей может послужить тот факт, что в 1934 г. вышли в свет учебники на 104 языках народов СССР (с. 1020).

Отмечая деятельность советских ученых в послеоктябрьский период, сконцентрированную на изучении многочисленных разнотипных языков, Б. Андерсон и Б. Сильвер указывают, что были усовершенствованы почти все ранее существовавшие письменности и созданы вновь для тридцати языков, никогда не имевших их. Конечно, данные по количеству новых видов письменности явно занижены американскими исследователями, это число достигает пятидесяти.

Одним из начальных этапов языкового строительства явился этап, основное содержание которого состояло в латинизации некоторых форм письма, за исключением график трех славянских языков: русского, украинского и белорусского, а также армянского и грузинского, имевших древнюю историю. Налицо понимание авторами положительной роли исторического этапа латинизации письменностей, объяснение которому можно найти в стремлении Советского правительства проводить в жизнь политику, отличную от политики царизма (с. 1020).

С завершением очередного этапа языкового строительства — переводом абсолютного большинства языков народов СССР на русскую графику письма — ученые связывают начало кампании по преподаванию русского языка в школах, подкрепленной

изданием Декрета Совета Народных Комиссаров от 13 марта 1938 г. "Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей" (с. 1021).

Следующим существенным законодательным актом, изменившим роль различных языков в советской школе, был Закон об образовании, принятый в 1959 г. В Законе проводилась идея "выбора по желанию" как языка обучения, так и изучения национального языка как отдельного предмета. Хотя, отмечают авторы, Закон 1959 г. и ограничивал обязательное изучение русского языка, на практике проводилось сокращение времени обучения на родном языке (с. 1021).

Ссылаясь на многочисленные труды таких буржуазных социологов, как М. Фешбах, И. Крандлер, Р. Солчаник, Каррер д'Анкос, авторы упоминают специальную кампанию, поддержанную новым законом по увеличению количества времени и повышению качества обучения на русском языке среди различных национальностей. Таким образом, большая часть западных ученых приходит к выводу, что долговременной целью советской национально-языковой политики было ограничение использования инорусских языков (с. 1021).

По мнению же Б. Андерсон и Б. Сильвера, недостатком концепций их западных коллег является игнорирование последними того факта, что советская национальная политика и практика всегда являлись отражением существующих тенденций, которые противоречили политике русификации.

Кроме того, Андерсон и Сильвер выражают несогласие с западными политологами, утверждающими, что увеличение времени на изучение русского языка в национальных школах обязательно влечет за собой сокращение времени на изучение родного языка. Иными словами, авторы предполагают, что скорее всего в республиках и областях неправильно понималась политика двуязычия, которая постепенно превращалась в политику ограничения использования национальных языков за счет мер, направленных на становление русского языка

обязательным предметом изучения, что, по их мнению, явилось бы стимулом для развития билингвизма в целом (с.1021).

Одновременно Андерсон и Сильвер сожалеют об отсутствии полного списка публикаций о статусе нерусских языков в школьном обучении. Ссылаясь на работу Ф.Ф. Советкина "Национальные языки за 40 лет", ученые отмечают, что количество лет, в течение которых обучение проводится на родном языке этнических групп, было определено еще в 1931-1932 гг. Так, в 40-х годах все нерусские национальности на территории РСФСР, за исключением некоторых этнических групп Сибири, имели начальные школы (с I по 4 класс), обучение в которых велось на родном языке. Однако как в неполной средней школе, так и в полной средней школе (соответственно с 5 по 7 класс и с 5 по 10) коренизация для большей части нерусского населения не была характерна (с. 1022).

Вслед за советскими учеными Б. Андерсон и Б. Сильвер определяют три основных принципа национально-языковой политики в области образования. Первый - принцип равноправия, отражающий положение, что каждая национальность свободна в выборе своего родного языка. Например, ст. 121 Конституции СССР 1936 г. гарантировала гражданам СССР право на обучение в школах на родном языке. Ст. 36 Конституции 1977 г. предоставляет возможность гражданам использовать родной язык и язык других народов СССР. Ст. 45 Конституции 1977 г. дает возможность получать образование на своем родном языке.

Однако авторы не без основания высказывают мнение, что принцип равноправия не соблюдается неукоснительно, поскольку русский язык занимает преимущественное положение среди других языков СССР. Иными словами, они применяют к советской языковой политике в сфере образования не абсолютный равноправный стандарт, а скорее видоизмененный эгалитаристский стандарт в двух измерениях, который можно

объяснить следующим образом: чем больше число национальностей, обеспечивающих обучение на родном языке, тем более равноправна языковая политика в школе; чем более продолжительный период используются в школьном обучении национальные языки либо в качестве основного средства обучения, либо как отдельный предмет изучения, тем, соответственно, более равноправна данная политика (с. 1022).

Второй – принцип экономической эффективности, а точнее два его аспекта, Андерсон и Сильвер считают не менее важным принципом, который может объяснить использование нерусских языков в школьном обучении. Во-первых, с точки зрения родителей невыгодно отдавать детей в школы, где языком обучения является их родной язык, так как вследствие отсутствия преимуществ в сфере образования в будущем могут возникнуть трудности с поступлением в вузы, с трудоустройством и т.д. Во-вторых, с учетом государственной перспективы неэффективно тратить большие суммы на развитие возможности вести преподавание на языках, которыми пользуется малое количество людей и которые, таким образом, смогут играть лишь ограниченную роль в современной экономике, науке, технике, в распространении культурных достижений и т.п. (с. 1023).

Итак, Б. Андерсон и Б. Сильвер предлагают в связи с этим две гипотезы. Первая: чем больше численность населения, тем больше вероятность того, что его родной язык будет использоваться или как средство обучения, или как отдельный предмет изучения. Вторая: обучение на родном языке будет развиваться в зависимости от численности представителей коренного населения, от степени компактности его расселения.

Третий принцип, лежащий в основе советской образовательной политики, видится американским исследователям как политический. Так, еще в 1968 г. Дж. А. Армстронг построил модель советской национально-языковой политики, по ко-

торой определенным этническим группам якобы предписываются специфические роли, основанные на потенциальной полезности данной группы в процессе реализации целей, которые преследуются вышними партийными лидерами (с. 1023).

Более того, создание СССР по типу союзного государства рассматривается многими западными политологами как прагматическая уступка партии нерусским национальностям в сфере культуры, а именно: дать возможность использовать национальный язык в школах и в средствах массовой информации.

Используя статус национальности в территориально-административной иерархии СССР как индикатора ее политического статуса, Б. Андерсон и Б.Сильвер приходят к выводу, что союзные республики имеют более высокий политический статус, чем автономные, которые, в свою очередь, обладают статусом более высоким, чем автономные области и округа. Иначе говоря, чем выше официальный политический статус какой-то определенной нации в союзной структуре, тем более вероятно, что данная национальность получает возможность использовать родной язык в школе, и чем выше место республики в иерархической структуре, тем чаще национальный язык используется как основное средство обучения и как учебный предмет.

Проанализировав данные, содержащиеся в учебных программах, авторы пришли к выводу, что с годами происходит увеличение числа часов на изучение русского языка в национальных школах. Что же касается национальных языков, то за период с 1934 по 1980 г. 83 национальности из 101 использовали свой родной язык, по крайней мере, как предмет изучения. 13 из 18 национальностей, не пользовавшихся никогда родным языком в школьном обучении, квалифицируются как не имевшие литературного языка по переписи 1926 г. (алеуты, ительмены, кеты, якугиры, долганы и др.).

Б. Андерсон и Б.Сильвер установили также, как менялась динамика использования национальных языков в области образования. По их мнению, расцвет нерусских школ приходился на годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне (с. 1027). Так, в период с 1934 по 1940 г. 64 национальностей имели школы, в которых дисциплины математического цикла преподавались на национальном языке, и 65 национальностей располагали школами, где изучение литературы и языка проводилось также на родном языке. В период с 1946 по 1965 г. произошло сокращение количества школ, в которых обучение велось на языке республики. Для большинства национальностей характерным явилось и уменьшение численности национальных школ за счет их перехода в другую категорию, где язык этнической группы стал изучаться лишь как предмет.

Кроме того, выводы американских ученых свидетельствуют о том, что самый верхний предел использования национального языка всегда в среднем ниже для автономных республик и областей, чем для союзных, где наблюдается более или менее постоянный рубеж, т.е. класс, до которого национальный язык является основным средством обучения (с. 1030). Характерно, что в автономных республиках и областях постепенно увеличивается количество времени на изучение национального языка в русских школах. Но в национальных округах язык этноса, как правило, исчезает из школьного обучения. На основании этих выводов Андерсон и Сильвер опровергают, таким образом, предположение большинства западных ученых о том, что национальный язык совсем исчез из употребления в школе.

Авторы приходят также к заключению, что численность населения становится все более слабой предпосылкой тому, что будет гарантировано обучение на родном языке, тогда как официальный политический статус постепенно становится более сильной предпосылкой (с. 1032).

В целом же Андерсон и Сильвер склонны рассматривать советскую образовательную политику скорее как политику, направленную на поддержание двуязычия, нежели как русификаторскую. Использование национальных языков в школьных программах расценивается ими как важный источник оказываемой языкам поддержки (с. 1034), поскольку действенность этнических языков в качестве предметов изучения, по их мнению, часто является достаточным средством торможения процесса становления русского языка родным языком нерусских национальностей.

Е.Б.Гришаева

ВЕРЕСОВ Д.
ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ СССР. —
Vermont: Chelidze publ., 1987. — 306 p.

Монография сотрудника Гуверовского центра при Станфордском ун-те Д. Вересова является логическим продолжением неопубликованного исследования "От катастрофы к катастрофе. История населения Советского Союза" (машинопись, 1985 г.). Несмотря на определенную тенденциозную направленность этого исследования, несомненная значимость его определена отсутствием в советской научной литературе какой-либо комплексной работы подобного характера. Лишь исследования В.З. Дробижева и Д.К. Шелестова немного заполнили существующий вакуум в этой области ¹⁾.

Работа посвящена демографическому будущему Советского Союза — государству, значение которого, по мнению автора, в истории человечества трудно переоценить. Д. Вересов рассказывает на страницах своей книги, как представляет себе наиболее вероятный ход демографических событий, которые

1) Дробижев В.З. У истоков советской демографии. — М., 1987. — 222 с.; Шелестов Д.К. Историческая демография. — М., 1987. — 271 с.

предопределяют изменения численности, пространственного размещения и состава населения в конце XX и начале XXI в. Ссылаясь на свое предыдущее исследование, в котором он стремился показать, что судьбы населения Советского Союза складываются не только под влиянием факторов социально-экономического развития, а также под губительным натиском экстремальных факторов, несколько раз низвергавших страну в бездну демографической катастрофы, автор объясняет этим обстоятельством всеобщие демографические закономерности в стране. Экстремальные факторы накладывали неизгладимый отпечаток на процессы демографического перехода, сдвигали во времени и меняли черты демографической революции. Отсроченные последствия экстремальных факторов прошлого, как отмечается в работе, неминуемо скажутся в будущем, на чем и попытался сконцентрировать свое внимание автор.

Книга состоит из шести глав. В первой главе "Экономика и статистика" рассматриваются современные социально-экономические условия жизни и состояние доступных источников. Дается характеристика и оценка советских статистических изданий, проводится поиск несоответствий между демографической статистикой СССР и реальным положением дел в области прироста населения, его учета, состояния и перспектив. Высказав мысль, что, имея дело с советской статистикой, надо выбирать между полным доверием к ней и категорическим отказом от использования каких бы то ни было поставленных ею данных, Д. Вересов продолжает, что господствующая в СССР идеология сосуществует с признанием биологического характера таких демографических событий, как рождение и смерть, она смирилась с такими непреложными фактами, как изменение численности населения, половые различия между людьми, признает категорию возраста и т.д., поскольку они не вступают в конфликт с идеологической овердействительностью и о них дозволено упоминать и даже время от времени выражать их количественно (с. 19).

Что же касается статистических данных, интерпретации цифр, то, по мнению автора, их "произвольное" изменение в конечном итоге породило невиданное отношение к статистической информации. Сначала в жертву априорно поставленной, оторванной от действительности цели принесли объективность статистической информации, потом вообще перестали заботиться о точности. Если цифры не противоречат цели, их публикуют, но предварительная проверка, как отмечает автор, производится, по-видимому, на основании не статистических, а политических критериев (с. 17).

Вместе с тем в работе указывается, что даже пробелы в советской государственной статистике имеют немало познавательное значение. В демографической статистике многие явления и процессы, а следовательно, и отражающие их цифры взаимосвязаны. Невозможно поэтому скрыть истину путем замалчивания одного показателя даже на протяжении нескольких лет. С большей или меньшей степенью он определяется по указывающим на ту или иную тенденцию количественным характеристикам того же явления в предыдущие годы или по другим показателям данного года. Целый ряд примеров свидетельствует о том, что даже в тех случаях, когда подлинная статистическая информация полностью отсутствовала, замалчивалась, скрывалась и извращалась, установление истины в конце концов оказывалось возможным. Так, например, удалось установить ориентировочную численность населения России накануне Октябрьской революции (М. Бернштам, 1979, 1980; С. Макоудов, 1980; Ю.А. Поляков, И.Н. Киселев, 1981), приблизительно определены демографические потери Советского Союза, вызванные голодом 30-х годов и "большим террором", второй мировой войной и сопутствующими ей трагическими обстоятельствами (с. 22).

Касаясь характеристики проводимых в СССР переписей населения и истории публикации их итогов, автор акцентирует внимание на том, что с каждой последующей переписью

объем информационного массива значительно сокращался. Стоит ли в связи с этим объяснить, почему на рубеже 70-80-х годов захирела советская демографическая наука? По мнению автора, период, в течение которого она развивалась более или менее нормально и наверстывала упущенное в годы небытия, оказался весьма непродолжительным. Объявленная буржуазной лженаукой и запрещенная в 30-е годы русская демография разделила участь многих общественных наук. Вторично родившаяся в первой половине 60-х годов, она вернулась на путь, проложенный создателями мировой демографической науки и плеядой русских исследователей первой четверти XX в. уже в ином своем воплощении (с.25).

В работе положительно оценивается вклад советских ученых-демографов и статистиков в международную демографическую науку. Однако отмечается, что он мог быть гораздо более весомым, если бы была доступна необходимая для оригинальных исследований исходная информация, если бы крепили международные связи, и не довлела бы над отечественной демографией цензура в обеих своих взаимосвязанных формах: внешней и внутренней. Грифы "для служебного пользования", "секретно" и "совершенно секретно" появляются еще на этапе планирования научной работы. Автор полагает, что этим обусловлена недоступность не только ряда исследований по самым острым вопросам исторической демографии, но также научных оценок актуальной демографической ситуации и перспективных исчислений.

Вторая глава "Численность и состав населения СССР в 1979-1984 гг" посвящена анализу демографической ситуации в СССР на рубеже 70-80-х годов. Автор исходит из того, что демографическое развитие Советского Союза проходило под влиянием трех качественно различающихся между собой групп факторов.

Первая вытекала из инертности процессов воспроизводства населения, уходящих своими корнями в дореволюционное прошлое; вторая охватывала экстремальные факторы, поро-

денные революцией и последовавшими за ней трагическими событиями, прежде всего войнами, голодом и политическим террором; и третья – всеобщие демографические закономерности, в силу которых совершается демографический переход (с. 27).

Прослеживая изменение общей численности населения СССР в рассматриваемый период, в работе делается заключение, что по темпам количественного роста население СССР – если его условно рассматривать как единый демографический организм, существующий в определенных государственных границах, – занимает промежуточное место между развитыми и развивающимися странами (с. 30). Рассматривая вопросы урбанизации населения СССР, автор делает оговорку, что органы государственной статистики СССР менее всего ограничивают объем информации о распределении населения страны между городом и деревней. По его мнению, это проявление то ли наивной убежденности, что высокие темпы урбанизации отражают успехи развернутого строительства социализма, то ли просто веры в политическую безобидность публикуемых цифр. Вместе с тем Д. Вересов признает, что объем доступной информации достаточен для вскрытия основных факторов роста городского населения СССР, его распределения по союзным республикам и экономическим районам, размещения по городам различной людности и т.п., хотя и подчеркивает, что прогностическое значение этой информации ничтожно, так как не публикуются данные о возрастном, этническом и социальном составе мигрантов (с. 39).

Анализируя городской состав населения СССР, автор делает вывод, что преобладающая часть городского населения Советского Союза только в будущем может стать подлинно городским. Оно перестало быть сельским, но еще не стало городским (с. 43). К тому же урбанизационная модель, которой так гордятся составители официальных публикаций ЦСУ, не прислушивающиеся к предостережениям специалистов (П.С.

Коваленко, 1980; Б.С.Хорев, Г.П. Киселева, 1982), имеет и свою обратную сторону – неравномерность распределения и оттока из ряда районов сельского населения (с. 45).

В этой же главе рассматривается возрастно-половой состав населения, отмечается факт, что даже через 35–40 лет после окончания второй мировой войны не изгладились ее трагические последствия. Вызванные войной структурные деформации сглаживались в отдельных союзных республиках более или менее интенсивно вследствие межреспубликанских миграций, а также в зависимости от уровней рождаемости и сверхсмертности мужчин. Автор, указывая на отсутствие сведений о возрастном составе населения СССР после переписи 1979 г., подчеркивает, что этот пробел в информации ЦСУ вынуждает западных ученых заниматься своими собственными расчетами (с. 48). Национальные проблемы в СССР в работах западных исследователей практически всегда представляются как запутанный клубок неразрешимых проблем. Подобная идея проходит красной нитью через исследование Д. Вересова. По его мнению, ускоренный количественный рост одних национальностей по сравнению с другими обусловил заметные изменения этнической структуры населения СССР. Анализируя их, прежде всего следует отметить уменьшение доли славянских народов (с 78,6% в 1959 г. до 72,8% в 1979 г., а русских с 54,6% до 52,4%)(с. 59). Особое внимание в работе уделяется изучению коэффициента территориальной русификации, соответствующего выраженной в процентах доле русских в составе коренного населения данной национально-административной единицы (с. 61).

Продолжая свою мысль, автор пишет, что если бы национальная политика в рассматриваемый период проводилась только посредством тех мер, результаты которых находят свое конечное выражение в росте коэффициента территориальной русификации, то ее плоды следовало бы оценить как весьма проблематичные (с. 65). Речь идет о языковой русификации,

выражающейся, по мнению автора, в что, что, во-первых, в составе некоторых коренных народов национальных автономий растет число лиц, считающих русский своим родным языком, и, во-вторых, увеличивается число лиц, считающих родным язык своего народа, но якобы уже свободно владеющих русским (с. 66). Автор выражает сомнение в полной естественности процесса ассимиляции применительно к советским условиям. В частности, о той роли, которую в сложной, но эффективно действующей системе языковой русификации играет армия, где явно принудительными орудиями выковывается пресловутая языковая общность. Далее говорится о нарастании якобы своеобразного психологического давления, когда незнание русского языка рассматривается как признак некой ущербности, что незнание языка "старшего брата" стало в Советском Союзе считаться серьезным недостатком, мешающим продвижению по социальной лестнице (с. 66). В работе рассматриваются проблемы сокращения численности мордвы, карелов и финнов, поляков и евреев. Автор обвиняет в этом Советскую власть, принявшую на вооружение расистскую теорию. По его мнению, именно она (Советская власть) несет историческую ответственность за провал исключительного по своим масштабам и поначалу более чем удачного опыта этнической ассимиляции, за то, что евреями в СССР снова почувствовали себя потомки тех, кто уже считал себя русскими или украинцами, за то, что многие, даже не чувствуя себя евреями, но зная, что национального происхождения не изменить, стремятся вырваться из Советского Союза (с. 73).

Третью главу "Воспроизводство населения" автор начинает с краткого изложения теории демографической революции. По его мнению, история населения Советского Союза свидетельствует о том, что на большей части его территории уже господствует современный тип воспроизводства. В работе отмечается, что обобщенные параметры воспроизводства населения Советского Союза неопровержимо доказывают, что созна-

тельным контролем человека охвачены обе составляющие естественного движения: рождаемость и смертность. Признавая факт, что первая снизилась в результате распространения идеи регулирования размеров семьи, а вторая - в результате социально-экономического прогресса, в частности развития системы государственного здравоохранения и успехов медицины, автор все же замечает, что, по данным международной статистики, СССР пока еще существенно отстает от многих капиталистических стран в области оптимизации режима воспроизводства населения, особенно - продления жизни и распространения рациональных методов регулирования рождаемости (с. 76).

Анализируя непосредственно процесс рождаемости в СССР, автор пишет, что коэффициент суммарной рождаемости у городского населения уже более двадцати лет назад снижался до уровня простого воспроизводства. У сельского населения он по-прежнему превышает этот уровень, но в связи с продолжающейся урбанизацией возникающий таким образом "демографический запас прочности" все более и более уменьшается (с. 79). И немалую роль в этом, как считает Д. Вересов, играет глубокий кризис советской семьи, обусловленный обстоятельствами, которые характерны для общего системного кризиса советского общества (с. 82). Что же касается ограничения рождаемости, то, по мнению автора, наиболее распространенным и практически важнейшим средством ограничения рождаемости до сих пор остается искусственный аборт (с. 83).

Вместе с тем в работе отмечается, что точно определить число ежегодно прерываемых в СССР беременностей невозможно (с. 84). Автор согласен с точкой зрения другого западного ученого М. Бернштама, что СССР все еще пребывает в "варварском" периоде регулирования рождаемости (с. 85). Несмотря на довольно обширную информацию о динамике рождаемости, представленную в работе, автор все же не берет-ся сформулировать какой бы то ни было закон демографичес-

кого развития Советского Союза. По его мнению, никакого особого закона нет. Эти данные в основном укладываются в рамки стройной концепции демографического перехода (с. 85).

Исследуя проблематику смертности, автор пишет, что исследователь, приступая к анализу современных тенденций смертности в СССР, располагает весьма скромным массивом статистической информации. Как утверждается в работе, сколько-нибудь подробная информация о повозрастной смертности перестала появляться в Советском Союзе с 1974 г. Не публикуются сведения о возрастно-половой структуре умерших, об их региональном распределении. Никогда не публиковалась исчерпывающая информация о структуре смертности по причинам (с. 87). Все это значительно, по мнению автора, затрудняет анализ. И все же он позволяет определить, что наметившееся еще в середине 70-х годов тревожное положение определяется главным образом повышением смертности мужчин. В ряду основных факторов сверхсмертности мужчин приводятся травмы и отравления, болезни органов дыхания, системы кровообращения, а также различных форм ишемической болезни сердца (с. 90).

Значительное место в работе отводится освещению младенческой смертности, причем отмечается, что информация о младенческой смертности засекречена в СССР чуть ли не в такой же степени, как сведения о новейших видах вооружения (с. 93). Автор видит причину этого явления в том, что на протяжении нескольких десятилетий снижение младенческой смертности рассматривалось советскими специалистами как один из объективнейших показателей успехов в строительстве социализма вообще и развитии здравоохранения в частности. Успехи органы советской государственной статистики скрывать бы не стали. Следовательно, заключает автор, это позволяет сказать, что с середины 70-х годов вплоть до настоящего времени младенческая смертность в СССР не снижалась, а повышалась (с. 93).

Название четвертой главы "История ошибок" автор заимствовал у Д. Спенглера, считавшего историю прогнозов ничем иным, как историей ошибок. В этой главе освещаются прогнозы русских дореволюционных и довоенных авторов, послевоенные перспективные исчисления советских авторов и прогнозы зарубежных авторов относительно будущего демографического развития России и Советского Союза. Дается оценка перспективных исчислений трудов С.Г. Струмилина, М.В. Шухи, С.А. Новосельского, В.В. Паевского и др. Критикуя советских демографов, в частности прогнозы Струмилина, автор пишет, что не учтенные автором изменения норм рождаемости и смертности были впоследствии компенсированы в результате постигшей страну демографической катастрофы. Ей, по мнению автора, С.Г. Струмилин в области прогнозирования обязан прижизненными и посмертными лаврами (с. 115). Как утверждается в работе, "нормы", заложенные в прогноз С.Г. Струмилина, противоречили действительности как в период нэпа, так и в 30-е годы, но голод и массовый политический террор с лихвой "исправили" грубую ошибку (с. 115). На примере подобных ошибок автор предупреждает об опасности использования в перспективных исчислениях каких бы то ни было неизменных показателей естественного движения населения. Это касается любой страны, особенно же страны, переживающей чрезвычайно бурный период своего развития. В этой главе автор рассматривает проблемы населения СССР в 30-е годы и их освещение в советской демографической литературе, заявляя, что, вопреки теоретическим предпосылкам ученых-марксистов, победная поступь социализма сопровождалась не стремительным, а весьма медленным увеличением средней продолжительности жизни, и не стабилизацией, а снижением уровня рождаемости. Таким образом, по его мнению, теоретические предпосылки, вытекающие из марксистско-ленинского учения о развитии общества, были опровергнуты практикой так называемого социалистического строительства (с. 126).

Если прогнозам советских ученых Д. Вересов предпочитает не верить, то исследования западных ученых вызывают у него, порой действительно не без основания, более положительные эмоции. Исследования Ф. Ноутстейна, Ф. Лоримера, М. Фешбаха, Д. Болдуина и др. заполнили, по мнению автора, искусственно созданный в литературе вакуум по данной проблематике (с. 143).

Глава пятая "Шифр судьбы" посвящена тенденциозному освещению советской социально-демографической политики, реализации ее мер на практике. Сначала автор высказывает справедливую мысль, что исследователи, рассматривающие развитие населения в его взаимосвязи с социально-экономическими процессами, действием комплекса факторов, формирующих и меняющих общественное сознание, находятся в особенно трудном положении, так как прежде чем приступить к формированию предпосылок демографического прогноза, они вынуждены тщательно изучить их общественную базу (с. 163). Это изучение, по мнению автора, подводит к выводу о заметных невооруженным глазом проявлениях системного кризиса советского общества, наряду с "небывалым хозяйственным застоєм, предельным напряжением экономики, полным вырождением и упадком влияния официальной идеологии, усилением центробежных сил, направленных на "расползание" огромной советской империи" (с. 165). Весьма скептически в работе оцениваются и усилия партии и государства после XXII съезда КПСС оживить советскую экономику и социально-культурную жизнь. Говоря о концепции "человеческий фактор", автор высказывает сомнение в возможности действительной реализации этой программы в ныне существующих социально-экономических условиях. В свою очередь, в работе отмечается, что снижение рождаемости в Советском Союзе связано прежде всего с факторами экономического характера. Исключая возможность полного удовлетворения материнского инстинкта, рекордно высокая занятость советских женщин

обусловлена, по мнению автора, не только их стремлением сравняться с мужчинами во всех областях деятельности, но и печальной необходимостью вносить посильный вклад в семейный бюджет (с. 172). В работе дается не только анализ перспектив демографического развития СССР, связанных с "перестройкой", но также делается вполне однозначный вывод, что не исключено, что испытываемые Советским Союзом экономические трудности дадут перевес сторонникам широко-го применения административных мер (с. 181).

Последняя, шестая глава посвящена непосредственно динамике численности населения, возрастно-полового и национального состава до 2019 г. Как считает Вереев, вопреки мнению авторов всех известных опубликованных прогнозов, Советский Союз не подойдет к рубежу следующего века как страна, насчитывающая более 300 млн. жителей. Только при условии стабилизации рождаемости и смертности на современном уровне их число могло бы достигнуть 301,0 млн., но по минимальному варианту его прогноза оно составит 291,3 млн. человек (с. 199). Что же касается распределения населения СССР по национальному составу, то здесь автор солидаризируется с высказываниями многих других западных авторов и утверждает, что "в безвозвратное прошлое отходят прежние представления о многонациональном государстве.. В перспективный период это единство может дать глубокие трещины как из-за изменения количественных соотношений между населяющими страну народами, так и в связи с ростом национального самосознания тех, кто был обречен на безропотное подчинение "старшему брату" (с.234). По прогнозам автора, в своем "противостоянии" капиталистической системе, в "мирном соревновании" с ней Советский Союз на протяжении перспективного периода будет терять одну за другой завоеванные ранее демографические позиции (с. 245).

С.В. Гришаев

СОВРЕМЕННАЯ ЗАПАДНАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
О НАСЕЛЕНИИ СССР В 30-Е ГОДЫ
(Обзор)

В течение длительного периода времени критическое осмысление буржуазного изучения проблем демографического развития СССР в советской научной литературе, как правило, сводилось к отрицанию какой-либо возможности для западных ученых объективного изучения историко-демографических процессов в СССР в силу разности идеологических установок и позиций. На самом деле состояние изучения проблем народонаселения СССР западными учеными не представляет из себя спрессованный конгломерат антисоциалистических постулатов и концепций. Все чаще появляются исследования, стремящиеся с достаточно достоверных позиций проанализировать проблемы демографической истории и развития СССР. Особенный интерес у них вызывают проблемы, малоизученные или совсем не разработанные в советской науке. Одной из таких "закрытых" тем для советских исследователей до недавнего времени являлось изучение проблем народонаселения СССР в тридцатые годы. Этот пробел и стремятся заполнить своими работами ученые США, Великобритании и других стран. Особо хочется отметить, что буржуазные ученые, занимающиеся исторической демографией СССР, социальной историей социалистического общества, выходят на качественно новый уровень

анализа социально-общественного строя СССР, ретроспективы развития нашего общества, в частности изменения в воспроизводстве, миграции населения в тридцатые годы. В значительной части этих работ, например, по коллективизации сельского хозяйства и индустриализации СССР, активно используются расчеты демографов и статистические данные по составу и численности населения страны этого периода. Как справедливо указывают сами западные историки, история СССР неотъемлемо связана с демографической историей страны. Отставание советских историко-демографических исследований в этой области очевидно и, вероятно, есть необходимость выяснить степень изученности и глубину разрабатываемых проблем в западной демографической науке, не подвергая их традиционной "разоблачительной" критике хотя бы в силу того, что эти работы являются первыми и в постановке проблем, и своими новыми подходами.

В последние несколько лет (1983-1987) в западной научной литературе особенно широко развернулись дискуссии по проблемам демографической истории 30-х годов в СССР. По мнению некоторых буржуазных ученых, определяющим вопросом в ходе этих дискуссий является установление точной численности населения СССР периода 30-х годов и размеры потерь населения вследствие массовых сталинских репрессий и реконструкции народного хозяйства. Попутно затрагиваются проблемы определения численности репрессированных и заключенных в лагерях 1929-1939 гг.

Определилось два полярно противоположных мнения среди западных специалистов, исследующих эти сюжеты в истории советского общества, которые представлены Р. Конквестом, С. Розфильдом, с одной стороны, и С. Уиткрофтом, Б. Андерсон и Б. Сильвером - с другой. Выступления других ученых в западной научной литературе по этим вопросам в основном сводятся к поддержке одного или другого направления.

С. Розфильд, например, основное внимание уделяет анализу и подсчету количества заключенных в СССР в период с 1929 по 1940 г. Фокусируя свое исследование на этой проблеме, он утверждает, что только принудительная рабочая сила определила столь быстрый экономический подъем СССР (16).

Английские историки Р. Лэвис и С. Уиткрофт первыми среди других западных ученых подняли целый ряд серьезных вопросов относительно источников, методике, логики и заключений, сделанных С. Розфильдом, Р. Конквестом о роли принудительного труда в экономическом подъеме СССР. С. Уиткрофт считает, что количество лагерей, определяемых С. Розфильдом, в действительности было в несколько раз меньше (21, 22). По его мнению, численность заключенных была около 4–5 млн. человек, и ни в коем случае этот фактор не мог являться определяющим в быстрых темпах индустриализации. Отстаивая этот тезис, некоторые советологи ссылаются на архивные материалы Американского посольства, находившегося во время второй мировой войны в Москве. По утверждению Розфильда, американские дипломаты серьезно занимались анализом и подсчетом принудительной, как формулировалось в документах, рабочей силы, используемой советским режимом при выполнении работ в наиболее тяжелых и трудных условиях (15, с. 390). С. Уиткрофт, изучив в 1981 г. в Национальном архиве в Вашингтоне материалы, связанные с деятельностью американского посольства в довоенный и послевоенный период в СССР, опроверг высказывания западных специалистов, якобы основывающихся на этих материалах. В действительности, как отмечается в официальных документах того времени, выяснить состав и количество заключенных было чрезвычайно сложно из-за полного отсутствия информации (22, с. 231).

Проблема определения точной численности населения СССР в тридцатые годы привлекала внимание западных ученых еще в 40–е годы. Американский демограф Ф. Лоример еще в

1946 г. оценил численность населения СССР в 1933 г. в 158 млн. человек (12, с. 135). Все официальные советские статистические источники того времени давали данные о 167,7 млн. человек, проживающих в СССР в данных государственных границах. Английский историк С. Уиткрофт пишет, что ему довелось обсуждать эту проблему с Б. Урланисом во время их личной встречи в СССР. Б. Урланис выделил исследование Ф. Лоримера как одно из наиболее объективных и точных среди всех работ западных ученых по данной теме (19, с. 506). Отметим, что в вышедшей в 1974 г. работе Б. Урланиса "Проблемы динамики населения СССР" встречается цифра 158 млн. человек, проживающих на территории СССР в 1933 г.

В работе С. Розфильда высказывается мысль, будто завышение данных о численности населения СССР в 1933 г. произошло именно в 1937 г. (17, с. 83). Это высказывание носит в принципе верный характер. В исследовании советского историка В.П. Данилова указывается на то, что данные о численности населения СССР были завышены уже в 1929 г.¹⁾

Р. Конквест и С. Розфильд используют в своих работах цифру в 156 млн. человек в 1933 г., ссылаясь на книгу А.В. Антонова-Овсеенко ("Портрет тирана"), вышедшую в Лондоне в 1979 г. Хотя, как пишет сам автор, эти цифры он получил от сидевших с ним вместе репрессированных статистиков.

Другим не менее важным, по мнению западных ученых, вопросом является подсчет потерь населения СССР в период коллективизации и последующего голода 1932-1934 гг. Р. Конквест, который длительное время изучал последствия и

1) Данилов В.П. Динамика населения СССР за 1917-1929 гг. Опыт археографического и источниковедческого отбора данных для реконструкции демографического процесса// Археогр. ежегодник за 1968 г. - М. 1970. - С. 242-253.

причины массовых сталинских репрессий и их влияние на социальное развитие советского общества (4), сейчас вместе с группой других ученых занимается исследованием демографических последствий голода 1932-1933 гг. на Украине (6). Эти же вопросы затрагивает и Дж. Мэйс, исследующий причины возникновения голода на Украине (13). С. Максудов и И. Дядькин в своих работах основное внимание уделяют изучению причинной обусловленности смертности, которой могло бы и не быть, не произошли одно из каких-либо событий, например, война, голод и т.д. (7, с. 13).

Выяснение демографических потерь населения СССР в 30-е годы не должно уводить, по мнению западных ученых, от главного вопроса в истории этого столетия - где и когда Русская революция пошла неверным путем в своем развитии. Как считает профессор современной истории Оксфордского ун-та Н. Стоун, именно с начавшейся в 1929 г. массовой принудительной коллективизации и произошло изменение дальнейшего социального и исторического развития страны. Интересной, на наш взгляд, представляется мысль известного английского ученого Теодора Шанина, высказанная им в интервью газете "Известия", о проблемах и перспективах аграрной экономики СССР¹⁾. Ученый с мировым именем, профессор Манчестерского ун-та, крупнейший в мире исследователь теорий А.В. Чаянова говорит о том, что идея уничтожения мелких крестьянских хозяйств за счет укрупнения существовала задолго до Октябрьской революции. Особую силу в России получила эта точка зрения во времена Витте. И Октябрь, перекроив весь строй общества, этого глубинного отношения к агрокультуре не пересмотрел. По-прежнему преобладало мнение, что мелкое крестьянское хозяйство - анахронизм, и чем быстрее его удастся ликвидировать, тем лучше для прогресса. Сталин в этом отношении был неоригинален, он лишь довел до завершения эту точку зрения. По

1) Известия. - М., 1989. - 25 февр. - № 57.

мнению Н. Стоуна, голод 30-х годов был следствием политики Сталина по отношению к крестьянству (18). Н. Стоун, несмотря на свое отрицательное отношение к самому факту коллективизации, все же не видит причин напрямую связывать голод 30-х годов с коллективизацией. С ним вполне солидарен и П. Вайс, утверждающий, что "коллективизация не была катастрофой... Она не была прямой причиной украинской голодовки". По его мнению, голод на Украине был вызван сталинской политикой изъятия хлеба у колхозов (18). Английский ученый Дж. Гетти поддерживает мысль Р. Конквеста, выказанную им в своей последней работе (5), о политике Сталина как очень жестокой и бесчеловечной по отношению к крестьянам, также утверждает, что голод на Украине был вызван сталинской политикой изъятия хлеба у колхозов (10).

Потери населения СССР практически всегда затрагивались во всех работах, анализирующих народонаселение СССР. Общие подчеты потерь населения СССР за 30-40-е годы встречаются у В. Исона (8). Б. Андерсон и Б. Сильвер выказывают мнение, что при подчетах потерь населения СССР многие западные ученые подменяют понятие "дефицит населения" понятием "вынужденная смертность", получая, таким образом, совершенно неверные данные.

Анализируя утверждения С. Розфильда, что СССР потерял 37 млн. человек только вследствие сталинских репрессий и войны, Андерсон и Сильвер считают, что в действительности эта цифра не разоблачает, как утверждает Розфильд, официальные источники о потерях населения Советского Союза, а лишь отражает сложившийся дефицит населения в этот период. Определяя дефицит населения как сумму всех потерь, не только умерших, но также и не родившихся, они призывают исследователей более тщательно подходить к выбору и анализу демографических источников для получения более реальных демографических данных и цифр.

Заметим, что в некоторых своих работах западные историки и демографы с большой осторожностью подходят к использованию статистических данных, полученных в результате переписей. Практически во многих исследованиях переписи 1926 и 1959 гг. оцениваются положительно, в то время как перепись 1939 г. очень часто признается западными учеными несовершенной и даже сфабрикованной. Так, Конквест и Мэйс, оценивая вынужденную смертность на Украине в 1932–1933 гг., характеризуют положительно перепись 1926 г. (6, 7). Конквест высказывает опасение, что, вероятно, из-за неточных данных, представленных в переписи 1939 г., затруднен объективный расчет смертности на Украине в период 1932–1933 гг. (3, с. 436). Значительная часть западных ученых считает, что перепись 1939 г. была проведена с целью скрыть истинное положение дел, выявленных переписью 1937 г.

Кроме того, Андерсон и Сильвер считают, что даже опубликование статистических данных за 30–е годы в 70–е или 80–е годы не делает их более точными. Следовательно, по их мнению, западным ученым не стоит заниматься бесполезными подсчетами избыточной смертности населения СССР в этот период из-за неверных исходных позиций, в итоге несомненно приводящих к заведомо ложным результатам. Более правдивыми будут данные, по мнению Андерсона и Сильвера, при расчете предполагаемой линии смертности с учетом всех происходивших в СССР демографических катастроф. Согласно своей методике, они рассчитывают количество людей, зарегистрированных переписью 1926 г., результаты которой они считают приближенными к действительным и которые могли бы дожить до 1939 г. Сопоставляя разницу между ожидаемым и действительно полученным числом людей в возрасте 12 лет и старше, они оценивают численность избыточной смертности населения СССР примерно между 0,5 и 5,5 млн. человек (1, с. 309).

Андерсон и Сильвер в ряде своих статей аргументированно опровергают многие положения и расчеты С. Розфильда, С. Козна и Р. Конквеста. В частности, относительно источников появления цифры 20 млн. человек, погибших во время сталинского правления, они пишут, что ни один из этих авторов не называет официальный источник получения этих данных, а лишь ссылаются друг на друга. Подобный подход к использованию демографических источников, по мнению Андерсон и Сильвера, не может опосредствовать выявлению действительно реальной картины демографического развития СССР.

Так, в частности, американский демограф М. Фешбах поддерживает точку зрения, что коллективизация послужила непосредственной причиной гибели 5 млн. человек. Последующий голод 1932-1934 гг., по его мнению, унес еще 5 миллионов человек. Для периода 1929-1939 гг. Фешбах определяет вынужденные потери населения в размере 15-20 млн. человеческих жизней (9, с. 7). Дж. Мэйо утверждает, что только на Украине от голода 1932-1933 гг. умерло 7,5 млн. человек (13, с. 37-50).

Подобные высказывания встречают серьезные возражения непосредственно в западной научной литературе. С. Уиткрофт, например, полностью опровергает приводимые цифры как явно завышенные и не имеющие под собой реальной документальной основы. Он пишет, что Фешбах, предваряя свои рассуждения и приводимые им цифры о вынужденных потерях населения СССР, ссылается на исследования Лоримера, Урланиова и самого Уиткрофта, будто являющиеся основой для его предположений, расчетов и утверждений, хотя в действительности ничего общего работы Фешбаха с перечисленными трудами не имеют (19, с. 508). Западные ученые стремятся определить хотя бы приблизительное количество демографических потерь в период сталинского правления. По утверждению С. Розфильда, перепись 1939 г. скрыла 11,9 млн. смертей (1, с. 396). По подсчетам Конквеста, с 1930 по 1937 г. из учета выпали

11,5 млн. человек (3, с. 297). Следы этих людей обнаруживаются, как считают западные ученые, при подсчете арестованных во время сталинских репрессий. Конквест остается на своих прежних позициях, высказанных им гораздо раньше, что в этот период примерно около 10 млн. человек было арестовано, из них 9 млн. было отправлено в лагеря (4, с. 297). Доказывая возможность рассчитать численность репрессированных в 1937 и 1938 гг., он приводит данные, что это составляет примерно 5,5-6% от общего числа населения СССР (3, с. 296). Он же приводит данные, ссылаясь на работу Г. Херлинга (II, с. 8), что около 600 тыс. коммунистов было расстреляно, а около 500 тыс. умерло в лагерях. Нет никаких сомнений в действительной значимости этих исследований, поскольку, как справедливо отмечают и сами западные ученые, существует незначительная разница в моральном плане в убийстве одного миллиона или десятка миллионов человек, однако для исторической и социальной памяти эти сведения имеют огромное значение.

Безусловно, далеко не все положения в работах западных коллег можно принимать за истинное отражение сложившегося положения в развитии населения СССР в тридцатые годы. Но знать и учитывать их работы в дальнейших своих исследованиях мы просто обязаны ради выяснения реального положения вещей, действительных причин и следствий. А работа предстоит невероятно сложная не только в силу того, что советские историки, статистики, демографы над проблемами демографического развития СССР в 30-е годы не работали. Это связано прежде всего с трудностями реконструкции советских статистических данных того времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Anderson B., Silver B. Tautologies in the study J. excess mortality in the USSR in the 1930 // Slavic rev. - Chicago, 1986. - Vol.45, N 2. - P.240-245.
2. Cohen S. The Stalin question since Stalin // An end to silence / Ed. a. with introd. by Cohen S.F. - N.Y.; L., 1982. - P.1-52.
3. Conquest R. Forced labour statistics : Some comments // Sov. studies. - Glasgow, 1982. - Vol.34, N 3. - P.434-439.
4. Conquest R. The great terror : Stalin's purge of the thirties. - Harmondsworth, 1971. - 830 p.
5. Conquest R. The haryest of sorrow : Soviet collectivisation and the terror-famine. - L. etc., 1986. - VIII,412 p.
6. Conquest R. The manomede famine in Ukraine / Conquest R., Dalrymple D., Mace J., Novak M. - Wash., L., 1984. - /5₆, 39 p.
7. Dyadkin I.G. Unnatural deaths in the USSR, 1928-1954. - New Brunswick; N.Y., 1983. - 371 p.
8. Eason W. Soviet manpower : The population and labour force of the USSR. - Columbia, 1959. - 250 p.
9. Feshbach M. The Soviet Union, population trends and dilemmas // Population bulletin. - Wash., 1982. - Vol.37, N 3. - P.1-44.
10. Getty I. Starving the Ukraine // London rev. of books. - N.Y., 1987. - January 22.
11. Herling G. Un monde a part. - P., 1985. - 305 p.
12. Lorimer F. The population of the Soviet Union : History and prospects. - Geneva, 1946. - 270 p.
13. Mace J. Famine and nationalism in Soviet Ukraine // Problems of communism. - Wash., 1984. - Vol.33, N 3. - P.37-50.

14. Maksudov S. Pertes subies par la population de l'URSS, 1918-1958 // Cahiers du monde russe et soviétique. - P., 1977. - Vol.18, N 3. - P.223-265.
15. Rosefielde S. Excess mortality in the Soviet Union : A reconsideration of the demographic consequences of forced industrialization, 1929-1949 // Sov. studies. - Glasgow, 1983. - Vol.35, N 3. - P.385-409.
16. Rosefielde S. The first great leap forward reconsidered : Lesson of Solzhenitsyn's Gulag archipelago // Slavic rev. - Chicago, 1980. - Vol.39, N 4. - P.559-587.
17. Rosefielde S. New demographic evidence: Excess collectivization death, 1929-1933 // Slavic rev. - Chicago, 1984. - Vol.43, N 1. - P.83-88.
18. Stone N. Turning on the terror machine // The Sunday Times. - L., 1986. - September 28.
19. Wheatcroft S. New demographic evidence on excess collectivization death : Yet another kliukva from Steven Rosefelde? // Slavic rev. - Chicago, 1985. - Vol.44, N 3. - P.505-508.
20. Wheatcroft S. A note on Steven Rosefielde's calculations of excess mortality in the USSR, 1929-1949 // Sov. studies. - Glasgow, 1981. - Vol.33, N 2. - P.277-281.
21. Wheatcroft S. On assessing the size of forced concentration labor in the Soviet Union, 1929-1956 // Sov. studies. - Glasgow, 1981. - Vol.33, N 2. - P.265-295.
22. Wheatcroft S. Towards a thorough analysis of Soviet forced labour statistics // Sov. studies. - Glasgow, 1983. - Vol.35, N 2. - P.223-237.

Е.Б.Гришова

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СССР:

20-80-е годы

(Современная зарубежная историография)

Технический редактор М.Л.Кнерцер

Корректор С.А.Левитанская

Сдано в набор 20.УІ.90 г. Подписано к печати 31/І-91г.

Формат 60x84/16

Печ.л. 8,0

Уч.-изд.л. 6,4

Тираж 750 экз. Цена I руб.

Заказ № 2848

© ИНИОН АН СССР, Москва, ул.Красикова, д.28/2І

Спечатано в ПИК ВИНТИ, г.Люберцы, Октябрьский пр., 403

042(02)9